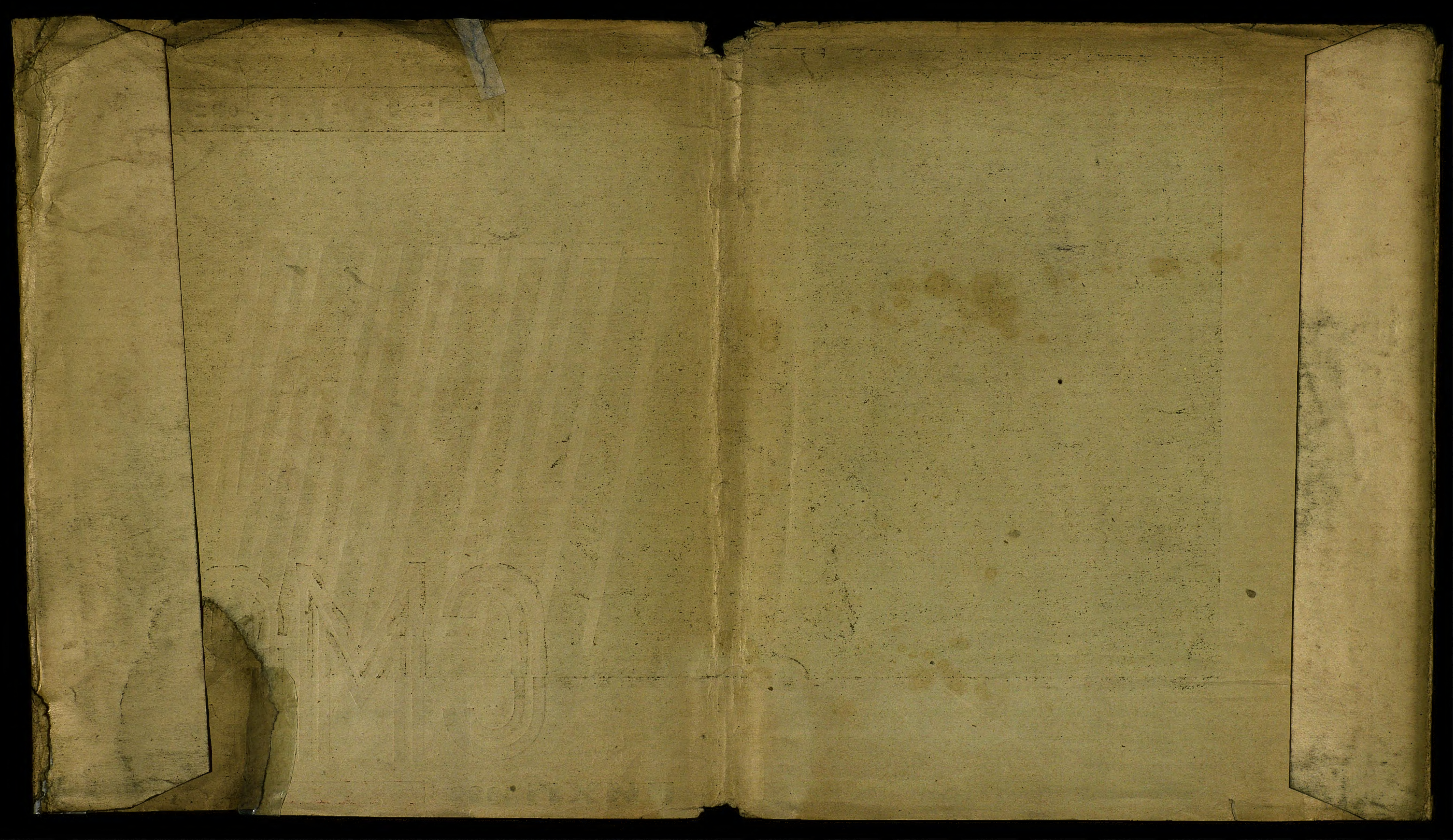
цена 3 р. 25 к.
переплет 75 к.

В. МАЯКОВСКИЙ

ГРОЗНЫЙ СМЕХ

Государственное Издательство Художественной Литературы

ГИХЛ 1932

В. МАЯКОВСКИЙ

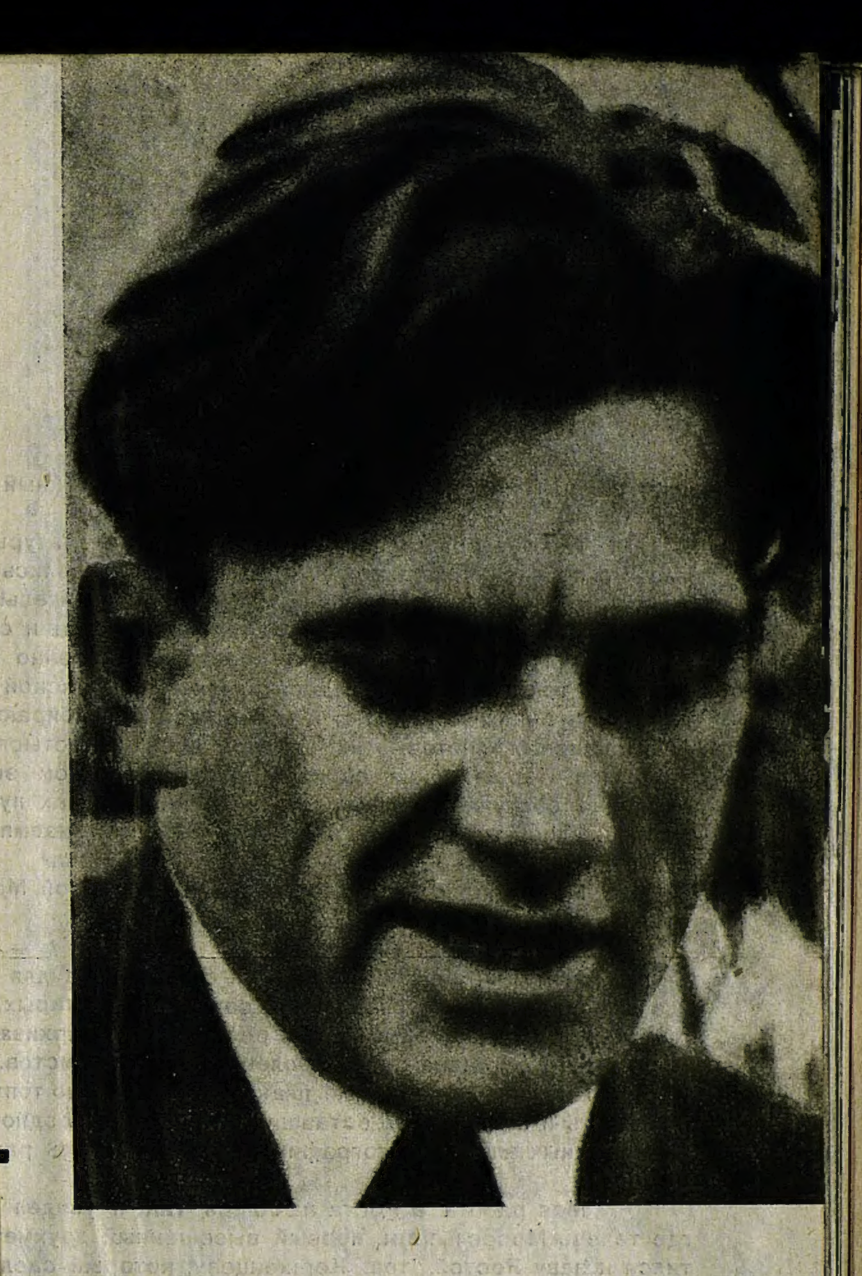
ГРОЗНЫЙ СМЕХ

1
ГОЛОЙ РУКОЙ
НАС НЕ ВОЗМЕШЬ!
ТОВАРИЩИ,
ВСЕ ЗА ОРУЖИЕ!
КРАСНАЯ АРМИЯ—
КРАСНЫЙ ЕЖ—
ЖЕЛЕЗНАЯ СИЛА
СОДРУЖИЯ.
1994 г.

В. МАЯКОВСКИЙ

ОБЛОЖКА И ОФОРМЛЕНИЕ КНИГИ
ВАРВАРЫ СТЕПАНОВОЙ

ГРОЗНЫЙ СМЕХ

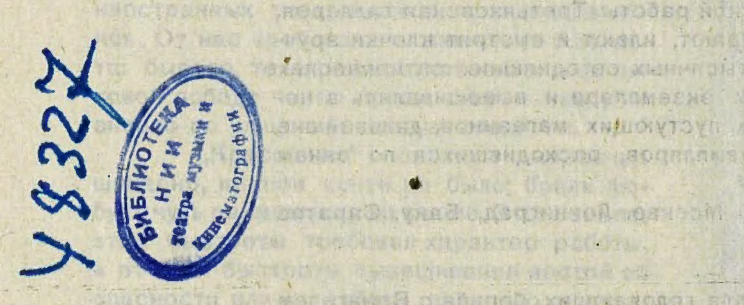

...ля графических украшений.
...пись труднейшего трехлетия революционной борьбы, пе...
...зоном лозунгов.
...днейшей агитработы — окон сатиры Роста.
...ики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспом...
...еникин бежал от Орла.
...ифных описаний задним числом, романтики гражданской
...ст" неплохо поучиться на действительном материале бое...
...овесной работе этого времени.
...сские древние греки, которые все умеют засахарить и
...

...ниге о революционном плакате, вырвав из середины ку...
...оста врем...ев с панами, агитку, весь смысл которой—

В. МАЯКОВСКИЙ

ПРОШУ слова...

Это не только стихи.

Эти иллюстрации не для графических украшений.

Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок и звоном лозунгов.

Это — моя часть огромнейшей агитработы — окон сатиры Роста.

Пусть вспоминают лирики стишки, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Деникин бежал от Орла.

Любителям высокотарифных описаний задним числом, романтики гражданской войны в стиле „конструктивист" неплохо поучиться на действительном материале боевых лет, на действительной словесной работе этого времени.

Есть такие новые русские древние греки, которые все умеют засахарить и заэстетизировать.

Вот В. Полонский в книге о революционном плакате, вырвав из середины кусок, набредя на агитсатиру Роста врем[illegible]ев с панами, агитку, весь смысл которой — доказать:

Так кормите ж
красных рать,
хлеб неси без вою,
чтобы хлеб
не потерять
вместе с головою,—

этот самый Полонский вырывает из агитки случайный клочок и пишет: „фрагмент“. Не угодно ли?!

Так же может поступить историк литературы, приводящий слово „соединяйтесь“ с подписью „фрагмент“, чтоб все догадывались и радовались, что сие — „фрагмент“ лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

Полонский не только не старается понять и систематизировать цель и направленность плакатных ударов, но просто вдохновенно парит над низменностью агитационного текста. Сейчас, с десятилетием ростинской работы, Третьяковская галлерея, газеты, журналы любопытно и восторженно подбирают, клеют и смотрят клочки вручную крашеных листов, этих предков всех многотысячных сегодняшних сатирических журналов. Первые окна сатиры делались в одном экземпляре и вывешивались в немедленно обступаемых народом витринах и окнах пустующих магазинов, дальнейшие размножались трафаретом иногда до 100—150 экземпляров, расходившихся по окнам агитпунктов.

Всего около девятисот названий по одной Москве. Ленинград, Баку, Саратов стали заводить свои окна.

Диапазон тем огромен:

Агитация за Коминтерн и за сбор грибов для голодающих, борьба с Врангелем и с тифозной вошью, плакаты о сохранении старых газет и об электрификации. Я рылся в Третьяковке, в Музее революции, в архивах участников. Едва ли от всей массы окон осталось сейчас более ста целых листов. Мы работали без установки на историю и славу. Вчерашний плакат безжалостно топтался в десятках переездов. Надо сохранить и напечатать оставшиеся, пока не поздно. Только случайно найденный у М. Черемных альбом фотографий дал возможность разыскать тексты и снимки с исчезнувшего.

Моя работа в Роста началась так: я увидел на углу Кузнецкого и Петровки, где теперь Моссельпром, первый вывешенный двухметровый плакат, немедленно обратился к заву Ростой, тов. Керженцеву, который свел меня с М. М. Черемных — одним из лучших работников этого дела.

Второе окно мы делали вместе. Дальше пришел и Малютин, а потом художники: Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюренберг и другие, трафаретщики: Шиман, Михайлов, Кушнер и многие еще, фотограф Никитин.

Первое время над текстом работал тов. Грамен, дальше почти все темы и тексты мои; работали еще над текстом О. Брик, Р Райт, Вольпин. В двух случаях, отмеченных в книге звездочками, я нетвердо помню свое авторство текста.

Сейчас, просматривая фото-альбом, я нашел около четырехсот одних своих окон. В окне от четырех до двенадцати отдельных плакатов, значит в среднем этих самых плакатов не менее трех тысяч двухсот.

Подписей — второе собрание сочинений. (В этой книге — малая часть.)

Как можно было столько сделать?

Вспоминаю — отдыхов не было. Работали в огромной нетопленой, сводящей морозом (впоследсвии — выедающая глаза дымом буржуйка) мастерской Роста.

Придя домой, рисовал опять, а в случае особой срочности клал под голову, ложась спать, полено вместо подушки с тем расчетом, что на полене особенно не заспишься и, поспав ровно столько, сколько необходимо, вскочишь работать снова.

С течением времени мы до того изощрили руку, что могли рисовать сложный рабочий силуэт от пятки, с закрытыми глазами, и линия, обрисовав, сливалась с линией.

По часам Сухаревки, видневшимся из окна, мы вдруг втроем бросались на бумагу, состязались в быстроте наброска, вызывая удивление Джона Рида, Голичера и других заезжих, осматривающих нас иностранных товарищей и путешественников. От нас требовалась машинная быстрота: бывало, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут — час уже висело по улице красочным плакатом.

„Красочным" — сказано чересчур шикарно, красок почти не было; брали любую, чуть размешивая на слюне. Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вывешивания вестей об опасности или о победе зависело количество новых бойцов.

Вне телеграфной, пулеметной быстроты этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную силу и серьезность наших умений, но и революционизировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке „революционный стиль", — это стиль наших окон.

Не случайно, что многие из этих работ, рассчитанные на день, пройдя Третьяковскую галлерею, выставки Берлина и Парижа, стали через десять лет вещами настоящего так называемого искусства.

Я привожу в этой книге только незначительную часть материала, только то, что сохранилось в днях. Кроме двух, приводимых раньше по памяти — а теперь полностью — текстов „Азбуки" и „Бубликов", все остальное не публиковалось и публиковаться, кроме этой книги, не будет.

Для меня эта книга большого словесного значения, работа, очищавшая наш

Так кормите ж
красных рать,
хлеб неси без вою,
чтобы хлеб
не потерять
вместе с головою,—

этот самый Полонский вырывает из агитки случайны
угодно ли?!

Так же может поступить историк литерату
тесь" с подписью „фрагмент", чтоб все догадывали
мент" лозунга „Пролетарии всех стран, соединяйтес

Полонский не только не старается понять и
ленность плакатных ударов, но просто вдохновенн
ционного текста. Сейчас, с десятилетием ростинско
газеты, журналы любопытно и восторженно подбира
ную крашеных листов, этих предков всех многоты
журналов. Первые окна сатиры делались в одном
медленно обступаемых народом витринах и окнах
размножались трафаретом иногда до 100—150 экзе
агитпунктов.

Всего около девятисот названий по одной
стали заводить свои окна.

Диапазон тем огромен:

Агитация за Коминтерн и за сбор грибов дл
и с тифозной вошью, плакаты о сохранении стары
рылся в Третьяковке, в Музее революции, в архи
массы окон осталось сейчас более ста целых листо
историю и славу. Вчерашний плакат безжалостно то
сохранить и напечатать оставшиеся, пока не поздн
М. Черемных альбом фотографий дал возможность р
нувшего.

Моя работа в Роста началась так: я увидел
где теперь Моссельпром, первый вывешенный двухм
тился к заву Ростой, тов. Керженцеву, который све
из лучших работников этого дела.

Второе окно мы делали вместе. Дальше при
Лавинский, Левин, Брик, Моор, Нюренберг и другие,
Кушнер и многие еще, фотограф Никитин.

Первое время над текстом работал тов.
тексты мои; работали еще над текстом О. Брик,
отмеченных в книге звездочками, я нетвердо помню

Сейчас, просматривая фото-альбом, я наше
окон. В окне от четырех до двенадцати отдельных
самых плакатов не менее трех тысяч двухсот.

Подписей — второе собрание сочинений. (В з

Как можно было столько сделать?

Вспоминаю — отдыхов не было. Работали в
морозом (впоследсвии — выедающая глаза дымом бу

язык от поэтической шелухи — на темах, не допускающих многословия.

Это не столько чтение, сколько пособие для времен, когда опять придется крикнуть:

Голой рукой
нас не возьмешь!
Деникина день
сосчитан.
Красная армия —
красный еж —
верная
наша
защита.
Голой рукой
нас не возьмешь!
Час Колчака
сосчитан.
Красная армия —
красный еж —
лучшая
наша
защита.
Голой рукой
нас не возьмешь!
Товарищи,
все за оружие!
Красная армия —
красный еж —
железная сила содружия.

В. М.

посмеемся

СССР!
из глоток из всех,
да так,
чтоб врагу аж смеяться,
сегодня
раструбливай
радостный смех —
нам
можно теперь посмеяться!
Шипели: „Погибнут
через день, другой,
в крайности —
через две недели!“
Мы
гордо стоим,
а они дугой
изгибаются.
Ливреи надели.
Бились
в границы Советской страны:
„Не допустим!“
И к первой годовщине
мы
гордо стоим,
а они —
штаны
в берлинских подвалах чинят.
Ллойд-Джорджи
ревели
со своих постов:
„Узурпаторы!
Бандиты!
Воришки!“
Мы
гордо стоим,
а они раз-сто
слетали,
как еловые шишки!
Они
на наши
голодные дни
радовались,
пожевывая пончики.

До урожаев
мы доживаем,
а они
последние дожевали
мильончики.
Злорадничали:
„Коммунистам
надежды нет:
погибнут
не в мае, так в июне“.
А мы,
мы — стоим.
Мы — на 7 лет
ближе к мировой коммуне!
Товарищи,
во-всю,
из глоток из всех —
да так, чтоб врагам
аж смеяться,
сегодня
раструбливайте
радостный смех!
Нам
есть над чем посмеяться!

товарищи,
враг бежит

от наших ударов смелых!
Еще напор —
и не будет межи
ни одной
под властью белых!
Разбившись о твердость советских
скал,
враги
подчинятся силе!
Еще напор —
победа близка,
сомкнитесь последним усилием!!!
Эй, товарищи!
Все, кто еще
военной звезды не надели,
пополните красных армий счет
на зов фронтовой недели!!!

история про бублики и про бабу, не признающую республики

Сия история была
в некоей республике:
баба на базар плыла,
а у бабы бублики.
Слышит, топот близ ее
музыкою веется:
бить на фронте пановье
мчат красноармейцы.
Кушать хоца одному,
говорит ей: „Тетя,
бублик дай голодному, —
вы ж на фронт нейдете.
Коль без дела будет рот,
буду слаб, как мощи.
Пан республику сожрет,
если будем тощи“.
Баба молвила: „Ни в жисть
не отдам я бублики!
Прочь, служивый, отвяжись,
чорта ль мне в республике?!“
Шел наш полк и худ и тощ,
паны ж все саженные.
Нас смела панова мощь
в первом же сражении.
Мчится пан, и лют и яр,
смерть неся рабочим,
к глупой бабе на базар
влез он между прочим.
Видит пан: бела, жирна
баба между публики.
Миг — и съедена она,
И она и бублики.
Посмотри на площадь, выйдь:
ни крестьян, ни ситника, —
надо во-время кормить
красного защитника!
Так кормите ж красных рать!
Хлеб неси без вою,
чтобы хлеб не потерять
вместе с головою!

песня рязанского мужика

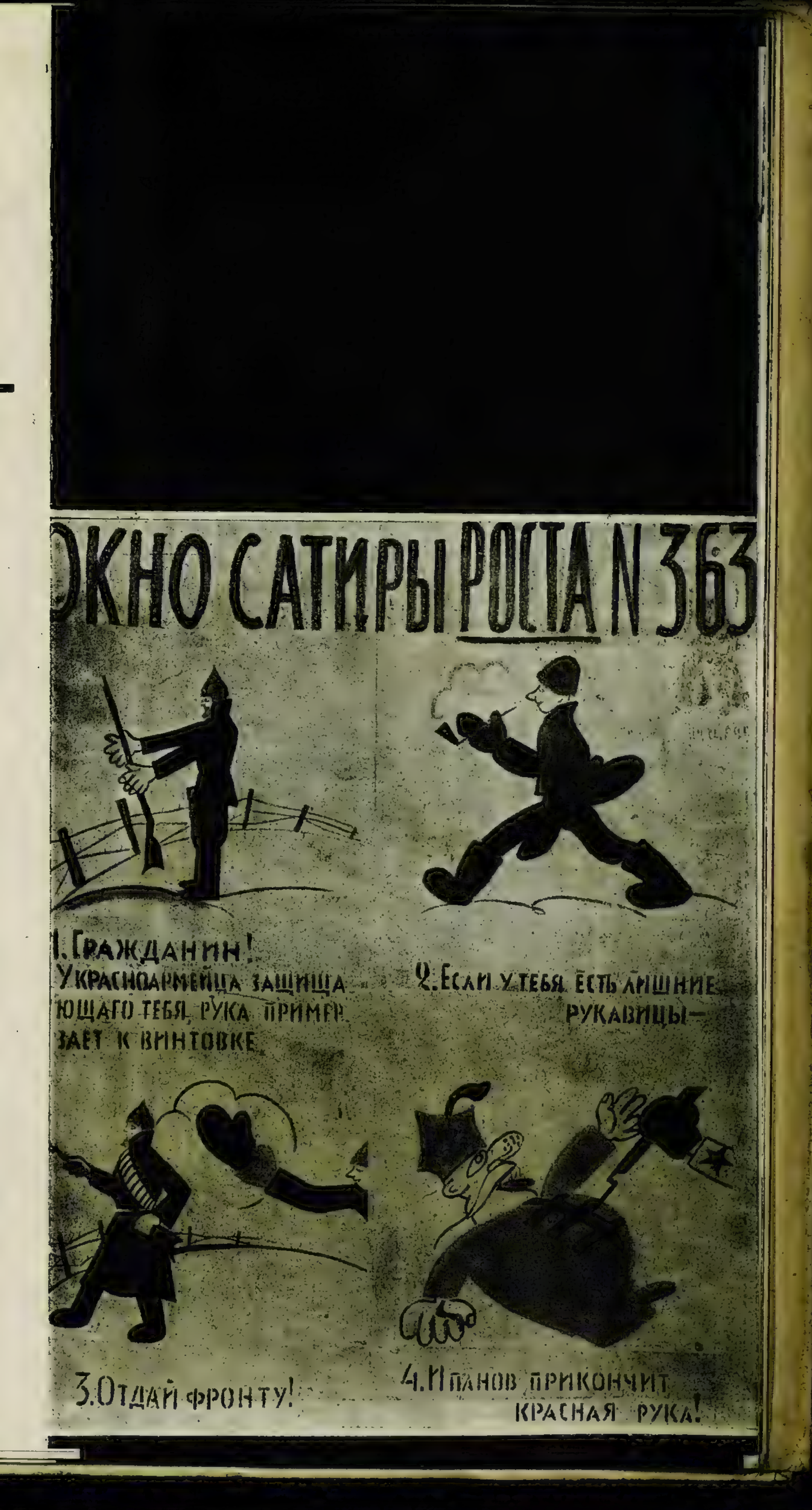
Не хочу я быть советской.
Батюшки!
А хочу я жизни светской.
Матушки!
Походил я в белы страны.
Батюшки!
Мужиков встречают странно.
Матушки!
Побывал у Дутова.
Батюшки!
Отпустили вздутого.
Матушки!
Мамонтов-то генерал —
Батюшки! —
матершинно наорал.
Матушки!
Я к Краснову.
У Краснова —
Батюшки! —
кулачище —
сук сосновый.
Матушки!
Я к Деникину,
а он —
Батюшки! —
бьет крестьян, как фараон.
Матушки!
Я ему:
„Все люди братья"... —
Батюшки! —
А он:
„И братьев буду драть я!" —
Матушки!
Я поддался Колчаку.
Батюшки!
Своротил со скул щеку.
Матушки!
На Украину махнул.
Батюшки!
Думаю, теперь вздохну.
Матушки!
А Петлюра с Киева —
Батюшки! —

уж орет: „Секи его!“
Матушки!
Видно, белый ананас —
Батюшки! —
наработан не для нас.
Матушки!
Не пойду я ни к кому —
Батюшки! —
окромя родных коммун.
Матуши!

мчит,

пилсудский...

пыль столбом,
звон идет от марша...
Разобьется глупым лбом
об коммуну маршал.
Паны красным ткут петлю,
нам могилу роют.
Ссыпь в могилу эту тлю
вместе с Петлюрою!
Лезут, в дрожь вгоняя аж,
на коммуну паны,
да оборвут
об штык
об наш
белые жупаны.
Быть под панским сапогом
нам готовит лях-то,
да побежит от нас бегом
выдранная шляхта.
Шляхта ждет венец такой...
Ладно,
ждите больше!
А за этой
за войной
быть коммуне в Польше!

щадите пленных

Помните, красноармейцы, когда
будешь брать их,
о польских рабочих —
наших братьях!
Помните,
встретясь с врагами в поле,
что рабочие
идут
не по доброй воле.
В бараний рог их в Польше гнут,
воевать их гонит
только кнут.
Образумятся, очутившись на нашем
месте,
и в панов
ударят
с нами вместе!
Бей панов,
к победе иди!
Но если
в плен рабочий,—
щади.

ИДИ

Если жить не хочешь зимой в
стуже,
иди на фронт в минуту ту же!
Если не хочешь
зимой голодать,—
на фронт,
чтобы Врангелю
разрастись не дать.
Если не хочешь,
чтоб осенью
затопила разруха,
иди на фронт, пока сухо.
Словом, —
и зимой,
и осенью,
и летом —
на фронт добровольцами:
спасенье в этом.

кажется,
небольшая вещь камень,

а сверзишься,
ежели окажется под ногами.
Что Врангель?..
Небольшой нарыв
на необъятности советских нив,
а во-время не уничтожишь этой
бузы,
за пузырем пузыри разрастутся,
как арбузы.
На фронт сразу!
Срежьте нарыв, чтоб не
распространять заразу!

праздновать—способы разные,
как мы праздник отпразднуем?

Будем ли
знамя
выше поднять стараться,
будем ли
в ногу итти
в рядах демонстрации,
будем ли
слушать ораторов речи,
в театрах ли проведем вечер
и с песнями разойдемся, —
этого мало.
Чтоб
не выпало знамя,
а маячило ало,
чтоб все закрепить,
которое добыто,
панщина,
баронщина
должна быть добита!
В Октябрьскую годовщину
ширится клятва:
добить врага революции проклятого.
Все объединимся
в грозной решимости:
барона и пана
вымести.

ров

Хороша Коммуна!
И сад здоров!
Пройти бы туда,
да глубок ров.
Колчаком бы его заполнить —
тощий,
не заполнишь рва,
сухой, как мощи.
Попробуем, что ли,
Деникина выкинем,
может быть, ров
заполним Деникиным!
Заполнили,
да не очень.
Вот Юденич толст:
из него
хороший получится мост.
Мельче,
но все еще не заполнился ров.
Сыпьте туда,
товарищи,
панов!
Теперь
посыплем мелкую челядь,
Врангелем забьем
хорошенько щели.
Чтоб вышел путь
совершенно ровным,
надо мелким щебнем посыпать ров нам.
Ров заполните —
и открыты пути,
можете
свободно
в Коммуну итти!

кто?

Кто виноват,
что снова встретил Врангеля я?
— Англия!
Эй, товарищ,
что делать,
если новый лезет государь?
— Ударь!
Если Врангеля и пана добьем,
будет мир тогда?
— Да!

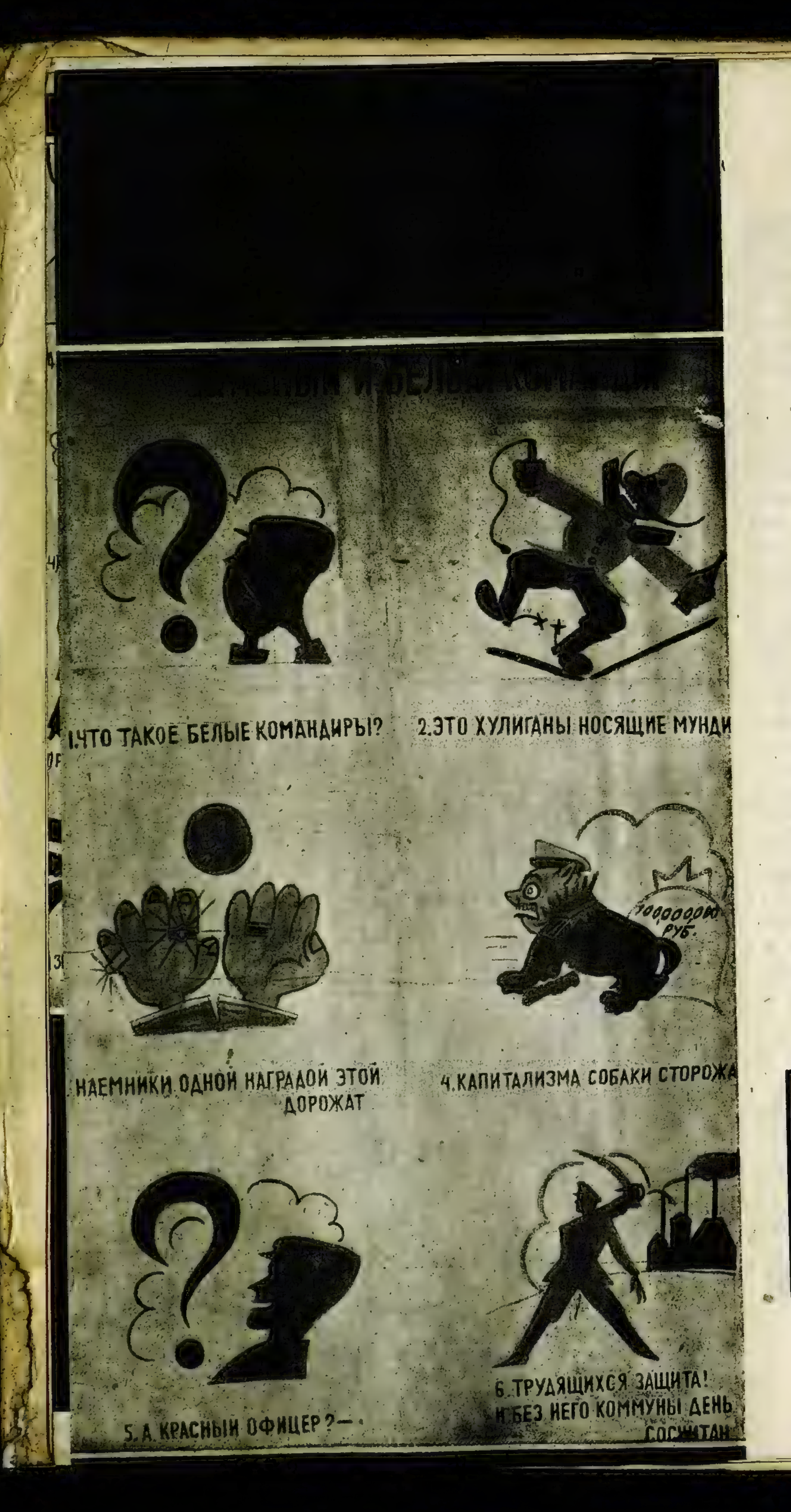
что
делать?

Что делать, —
паны идут верховодить тобой?!
— **В бой!**
Врангель
лезет царем насесть,
как быть?
— **Бить!**
Какой разговор с социал-соглаша-
телями,
бывшими министрами Деникина и
Колчака?
— **Чека!**
Что делать —
голод идет со своей разрухой-
сестрой?!
— **Строй!**

красноармейская
песня

Пан Пилсудский горделиво
прямо в Кремль вчера спешил.
Что не ржешь, мой конь ретивый,
что ты шею опустил?
Не хотел переговоров,
грит: „В Борисов поезжай".
У осла бывает норов,
хоть прикладом вышибай.
Все ж Чичерин, добрый батя,
вновь мириться захотел,
грит:
„Теперь поедем, тятя,
чай, ты малость поумнел?"
Раскричался шляхтич гордый:
„Нет!
А хошь — езжай до Минска,
мы хоть и с побитой мордой, —
сила наша исполинска!"
Испужалися мы снова.
Ан, гляди, и Минск уж наш!
Что ж ты, пан, не держишь слова?
Аль в Варшаву приглашаешь?!

рабочие столицы,
крестьяне окрайны,

слушайте с юга вздымающийся
плач.
Это над Киевом,
над столицей Украины
тешится Пилсудский-палач.
В дикой злобе
отступающий боров
взорвал красоту Владимирского
собора.
Чтоб жители неповинные остались
без хлеба,
пожаром вокзалов дымится небо.
Взорвали электрические станции.
Без света,
без тепла киевляне. Не все еще это:
чтоб люди в муках корчились без
воды,
сожрал водокачки огонь и дым.
Теперь оцените Антанты проповедь,
что мы-де —
разбойники,
а они —
Европа ведь!
Культура —коммуна! Строители мы!
А паны —
погромщики,
сеятели тьмы.
Запомните, рабочие,
истину эту:
помощников Антанты —
Ллойд-Джорджев к ответу.
И нам чтоб не вклеили подобную
муку, —
на фронт поголовно!
Винтовку в руку!

врангель

„Врангель, Врангель, где ты
был?“ —
„У Ллойд-Джорджа танк добыл!“ —
„Врангель, Врангель, где ты
был?“ —
„У французов войск добыл!“
Где ты будешь, Врангель мой? —
В море шлепнешь головой.

винтовка
и
книга

С винтовкой без книги нет побед, —
натворишь оружием всяких бед.
Без глаз не нацелишься,
не подымай рук!
Только зря перестреляешь
всех вокруг.
Подстрелишь невиновного, а тот,
кто нужен,
без всякой помехи продолжает ужин.
А снял безграмотности повязку — и, ага!
Сразу рабочий увидел врага.
Зря, буржуй, подымаешь вой,
непримирим враг классовой:
в руке винтовка, в другой —
книга, —
вот
вооружение
против капиталова ига.

старый МОТИВ

Шел на Русь да не ухарь-купец,
маршал пан — удалой боец.
Думал красных пан удавить,
думал пальбою весь мир удивить.
Шлет ему Англия кучи добра:
танки,
людей
и подол серебра.
Вот он
и в Киеве,
весел и пьян, —
грабит,
громит
и насилует пан.
Красноармеец навстречу ему.
Думает пан:
„Подойду, обниму"...
Мрачен конец ухажора был, —
чуть
и штаны захватить не забыл.

1. ЧТО ТАКОЕ БЕЛЫЕ КОМАНДИРЫ?

2. ЭТО ХУЛИГАНЫ НОСЯЩИЕ МУНД

НАЕМНИКИ ОДНОЙ НАГРАДОЙ ЭТОЙ ДОРОЖАТ

4. КАПИТАЛИЗМА СОБАКИ СТОРОЖ

5. А КРАСНЫЙ ОФИЦЕР?—

6. ТРУДЯЩИХСЯ ЗАЩИТА! И БЕЗ НЕГО КОММУНЫ ДЕН СОСЧИТАН

твои врати

Красноармеец, узнай врагов своих,
без всякой пощады уничтожай их.
Твой первый враг —
польское пановье,
не убьешь его —
петли тебе понавьет.
Дезертир —
твой враг второй.
Дезертир
для врагов
прорывает строй.
Твой третий враг —
грязь и вошь —
тебя убьет,
если ты не убьешь.

красный командир

Таково обучение старых школ:
выходил из школы глупый, как кол.
Молодчик научится ездить лих,
велят так стрелять своих и чужих.
Только мы научим, кто враг, кто друг;
на буржуев — сабли наших рук.
Офицер,
запомни — трудящихся щит ты.
Ты учишься
только
для их защиты!

небылица в лицах

Всех я красных раскидаю,
сяду я в правители.
Битый шел Колчак к Китаю.
Вы его не видели?
Деньги белым дал недаром —
быть Руси под лигою!
Мне таких не надо даром,
Уходите с фигою!
Питер бунтом взял эсер!
Флот английский на море!!
Что-то день сегодня сер
в чрезвычайной камере?!

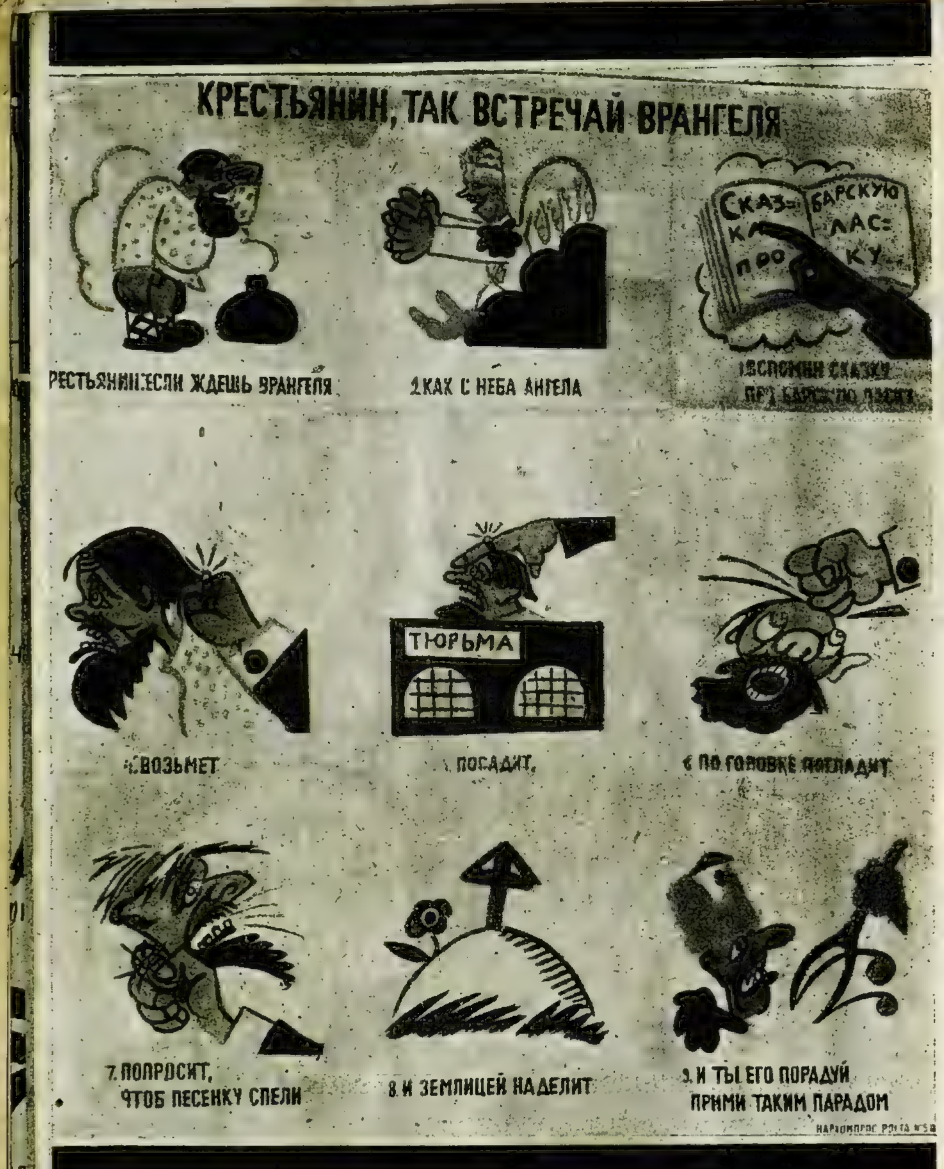
смотри,
крестьянин

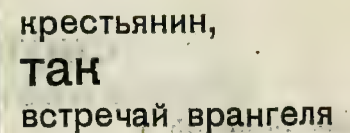
Дал Врангель
крестьянам
широченный манифест.
Дураки обрадовались,
сбежались со всех мест.
Да, земельный вопрос не то, что
яблоко, —
пошли, сорвали и съели:
это обсудить надо.
Министры
баронские
в комиссию землеустроительную
засели.
Надоело ждать крестьянам.
Спрашивают у заседающих о
реформе.
„Бросьте, — говорят, — надоедать!
Это надо делать постепенно,
по форме".
А земля
пока —
попрежнему у барина.
А крестьянина
по-старому
прошибает испарина.
И крестьянам
попрежнему
землю брать не велено,
и попрежнему
за это
у Врангеля
в Феодосийском уезде
множество крестьян расстреляно.
Крестьянин!
Покончи с Врангелем!
Запомни тверже и лучше:
землю
только
от коммунистов получишь!

антанта признала

Антанта признала Юденича,
Антанта признала Деникина,
Антанта признавала Врангеля...
Теперь ничего не осталось знать, —
Кроме как дурой себя признать.

крестьянин, так встречай врангеля

Крестьянин,
если ждешь Врангеля,
как с неба ангела,
вспомни сказку
про барскую ласку.
Возьмет,
посадит,
по головке погладит,
попросит,
чтоб песенку спели,
и землицей наделит.
И ты его порадуй:
прими
на вилы
парадом.

его тетя

Была у Врангеля добрая тетя:
добрее ее нигде не найдете.
Дарила ему дорогие игрушки:
костюмы, солдатиков, ружья и пушки.
Заважничал мальчик и начал хвастать:
„Вот я какой!
Как вздую вас-то!"
И сразу полез в чужие ворота.
Неласково приняли что-то его там:
схватили за шиворот,
дали в зубы,
иди к своей тете, —
она тебя любит.
А тетя: „Не надо, назад, не надо нам
таких грязнуль пускать по парадным".
Ревет мальчишка у нашей опушки:
„Ах, тетя!
Зачем мне дарила игрушки?"

МЫ окружены врагами, голодаем

Кажется, нет положения
отчаянней!
А вот, посмотрите,
как живет
рабочий англичанин.
У английских буржуев от товаров
ломятся стены складов.
Но это не значит,
что рабочие едят,
что рабочие одеты, как надо.
Наоборот!!!
Сработанное не попадает в рот.
Капиталист и рынки для сбыта ищет,
а рабочим не купить,
рабочие нищи!
Цены на товары летят, как конница,
никакие заработки за ними не угонятся.
Буржуй закрывает фабрики,
нет покупщика.
Припомнит им это когда-нибудь
английская чека.
И вот результат:
в Англии
с их товарами всеми
$2^1/_2$ миллиона безработных.
Значит,
всего
6 миллионов голодных рабочих,
считая безработные семьи.
Нетрудно предсказать, что будет:
посмотрят немного рабочие —
и заводы и склады возьмут.

дурацкий сон

Снятся дурню чудеса:
мчит без колебаний...
На Кубань привел десант,
мчит в Москву с Кубани.
Плохо кончилась мечта же,—
так себя вознес сам,
что и не заметил даже,
как расшибся носом.
Лапу ничью не оставим на горле
Эй!
С панами покончите скоро ли ?!

хочется!

Захотелось в цари пролезть барону.
Думает, рабочих поведу, как
баранов.

Товарищи, на оборону!
Господин барончик,
радоваться рано!
Не тронь коммуну, заносчивое
бароньё!!
Как бы самим
к капиталистам
не попасть в баранье!

паны

перемирие заключили

Паны перемирие заключили,
но линию империалистическую не
бросили гнуть —
снова
грозятся
войной
грохнуть.
Как бы,
вместо того чтоб передохнуть,
панам
не пришлось передохнуть.

товарищи,

не поддавайтесь панике,
она
делает обыкновенно
из мухи слона.
Но
и востро держите ухо,
чтоб из слона
не получилась муха.
Без всякой паники,
но и не зря резво,
идите на фронт
хладнокровно и трезво.

сказка
про мужика,
про историю странную
с помощью французскою,
с баночкой иностранною

Вот мчится прямо к Волге тройка
коней французских, сытый вид,
а посредине тройки
стойко
консервов баночка стоит.
Навстречу мужик голодный,
видит,
жирные дяди.
„Подайте, — говорит, — христа-
ради“.
Осмотрели буржуи мужичонка
серова.
„Хочешь, — спрашивают, —
лещика в консервах?“
Вывернул тулуп наизнанку,
сел мужик
раскупоривать банку,
Раскупорил банку,
а вместо лещика —
из банки
мурло
царя и помещика.
Хочет мужик бежать в лес,
да ему помещик на шею взлез.
И от этой всей французской
помощи
мужику остались лишь царские
„помочи“.
Отсюда
мораль
такая вот:
разбирайся в тех,
кто помощь дает.
Хлеб буржуй протянет,
смотрите, нет ли у тли
в другой руке пеньковой петли.
Только брат рабочий да
крестьянин брат
помочь голодающему брату рад.

песня про гостей из французских областей

Эй,
разинь голодный рот!
Распоясай пузо!
Обкормить честной народ
вздумалось французам.
К нам
у них
доверья нет,—
помощь бы не стибрили...
Свой составили совет:
трех буржуев выбрали.
Надо к встрече строиться,
все в поклон чтоб гнулись,
представляю —
троица:
По,
Жиро
и Нуланс.
В эполетах этот
По,
в генеральстве истов,
был опорой с давних пор
банде монархистов.
Пища с ним придет, едва
познакомитесь вы с ним —
вам кусок пойдет,
а два
врангельским прихвостням.
А второй из них Жиро.
Эй, москвич,
припомни-ка,—
самой жирною из рож
обладал в Хамовниках.
От чекистов дернул он
в заграницу-щелку.
Мы ж
нашли
вина вагон
и вагончик шелку.
Нуланс,
бывший к нам посол,
благодетель третий.
По с Жирой пройдут под стол
рядом с ним, как дети.
Чтоб в Москве и Петрограде
голодать рабочим,
на войну он выдал Раде

деньги между прочим.
У него приемчик прост:
поезд с хлебом шел нам,
бомбу он кладет под мост,—
мол,
плыви по вóлнам.
Как открылась западня,
чуть мы не поплавали,
Нуланс — шасть!
и бунт поднял
в красном Ярославле.
Ищем мы,
громилы где,
бунта жертв оплакав,
а уж Нуланс в Вологде
шлет чехо-словаков.
Этот каторжный герой,
лишь в Бутырки годный,
нынче хочет встать горой
за народ голодный.
Эта помощь —
сзади нож,
значит ждать не гоже.
Коль они не в помощь, что ж,
мы
себе
поможем.

пожелание к следующему рождеству

Будущие елки
всегда и везде
этой
красной
украшать звезде.
Некогда
шли трое
к яслям —
волхвы
за звездой.
Новую легенду строит
история взамен той.
Во всемирной
идете
ночи
за красной звездой
вы —
красноармеец,
крестьянин
и рабочий —
светлой коммуны волхвы!

забудьте календари,
висевшие встарь,
читайте
новый наш календарь!

Досконально прочитаешь в нем,
что тебе делать день за днем.
Во-первых:
в понедельник
не гуляй, как бездельник,
а пошарь
и, если хоть тысяча есть,
спеши ее голодающим снесть.
Во вторник,
в день второй,
подели пополам паек твой:
половину голодающим,
а сам
пока
проживи на половину пайка.
В среду,
увидишь товарища,
беги по следу,
останови и убеди:
с помощью, мол,
к голодающим иди.
В четверг
не забудь
о голодающих детях,
спеши скорей накормить и
одеть их.
Если сам поистратился до этих пор,
в пятницу
организуй
для голодающих сбор.
В субботу же,
разумеется,
организуй субботник!
Работай на голодающих, работница
и работник!

В воскресенье
время немало,—
возьми и повтори все сначала.
Тот,
кто так повторит дни,
тот
честный
советский гражданин!

два новых года

НОВЫЙ ГОД АНТАНТЫ:

дворцы сияют,
песнею звуча.
Шакалы!
Закрыли хоть двери б!
Наполнив кровью,
как золото чаш,
о череп
чокают череп.
Но оборвется
веселия ход,
зря
музыканты наняты.
Таким вот
явится
новый год
на волчий пир Антанты.

НОВЫЙ ГОД РОССИИ:

нет
у нас
виноградных лоз,
голод —
ужины наши,
и влагой
обиженно-горьких слез
мы
щек не наполним чаши.
Мы верим:
неся спасение от
войны
и прочих бед нам,
во всем плодородии
новый год
придет
в венце победном!

октябрьские итоги в романсах

От зари до зари
выдувал пузыри,
то Деникина выдул, то Дутова.
Только все это зря,
глянь — и нет пузыря,
и по ветру пустили вздутова.

рождественский номер

Буржуям елка Роста
под рождество
подарков дарит по сто...
Пожалте!
Во!!!
Как и у всяких елок,
у нашей елки
тьма-тьмущая иголок —
и очень колки!
Красив и раззолочен,
но только,
эх!
Для зуб буржуя
очень
тяжел орех.
Вот это белых пушки,
из них пока
весь толк: как из хлопушки...
Два колпака...
Игрушки все изломаны,
теперь,
взяв ствол,
слегка погладь,
чтоб помнили
про рождество.
От нашей елки выйдя,
помят и вздут,
гнет шапку, лишь завидя,
буржуй,
звезду.

не ЭТИ правильно революцию празднуют,

не эти
имеют представление
о смысле Октябрьской годовщины...
Правильно празднуют те,
кто, вещи собрав разные,
фронту шлют
рукавицы,
валенки
и тулуп овчинный.

когда
победили в России рабочие
и грянула первая годовщина,
мало беспокоились буржуи,
гуляли чинно.
Грянула вторая годовщина,
заволновались буржуи,
не помня звания и чина.
В третью годовщину
небо
от натуги
кажется с овчину.
Надо,
чтобы в день празднования
четвертого
Советская Россия
не смущала буржуя мертвого.

---

1 мая

Между народами лед ломай,
символ братства рабочих — **май.**
Глубже
борозды
на полях вздымай,
символ сева крестьянину — **май.**
Трудовыми знаменами небосвод
занимай,
для работницы день веселия — **май.**
Нынче шторы в окне не подымай,
весть о гибели для буржуев — **май.**
Хочешь есть?
Себя
трудиться подымай,
дармоеду-помещику
тяжкий праздник — **май.**
Мрачен
барыне
пролетарский **май,** —
на работу иди,
бархат, шелк снимай.
Маялся рабочий,
а теперь
себя буржуй помай.
Спекулянтам
не в праздник — праздник **май.**

стой,
гражданин

Росте внимая!
Что надо сделать Первого мая?
Сначала
с улиц
грязь вывози,
а то
демонстрации утонут в грязи.
Надо в баню бежать,
пока не поздно,
пока
не заболел
заразой тифозной.
Надо насыпи чинить,
если не скололи лед,
а то поезд весною зальет.
Надо
починить
железнодорожный состав,
чтоб поезда
не замерли, без работы став.
Надо
сор со дворов убрать,
чтоб микробы не множили рать.
Надо
май
так праздновать,
чтобы
и пятнышка не было грязного!
Чтоб рабочий контроль
проверил,
каждый ли выполнил роль?
И только
под вечер,
устав стараться,
на улицы выйдем
для демонстраций!

наша годовщина

Не с пустыми руками,
не с торжественным шествием,—
под ружьем,
за станками
революцию чествуем!

Н О В Ы Й   Г О Д

Красную армию,
истомленную походом,
первую поздравим с новым годом!
В этом новом году,
верим,
к миру всемирному
приложим двери!
Рабочего,
зажатого мором и голодом,
поздравим
с идущим
светлым годом!
Верим,
броней закован в борьбу,
к солнцу
ведешь нас
сквозь рокоты бурь!
Поля
отдавших
войны непогодам
крестьян
приветствуем с новым годом!
Верим,
этого года небо
будет сиять
над горами хлеба!
Кому не ясен истории ход?..
В этот
идущий
двадцатый год
земли
раздробленной
четыре части
в одном сольете
невиданном счастьи!
В одно
мировое русло революции
рабочих вселенной
души вольются.
А тем,
кто белым продался барам,
кто рабочий
мир
утруждает даром,
кто нож
на коммуну
точит ударом,—
кол —
и в могилу за годом старым!

НОВОГОДНИЙ
номер

Раз
в крещенский вечерок
буржуа гадали:
красного в бараний рог
скрутим мы когда ли?
Лили в чашу ярый воск,
опусти свой нос-ка.
„Разнесут буржуев в лоск“ —
выплыло из воска.
Быть Деникину ль с венцом,
погляжу я в зеркало?!
Глянул в зеркало —
лицо
страхом исковеркало!
Расстилали белый плат...
Плат проклятый этот
не забудет
ихний брат
и в седьмое лето.
Башмаки давай закинем,
поженюсь хоть с горя я.
Где же взять-то башмаки нам?
Третья категория!..
Плохо наше дело,
н-да...
В этой грустной думе
от всего, что нагадал,
лег буржуй
и умер.

пасхальное

„Нам бы лишь кулич воскрести,—
а там хоть трава не расти,—
скулит спекулянт: — Деникин,
воскресни!“
Кукиш воскрес, чтоб не было
спеси.
„Учредилка, воскресни!“ —
меньшевик орать готов...
Стоит крест на нем тяжелый,
97 пудов.
„Коммуна воскресла, — поют
рабочие, —
Расступись перед нами, которые
прочие!..“

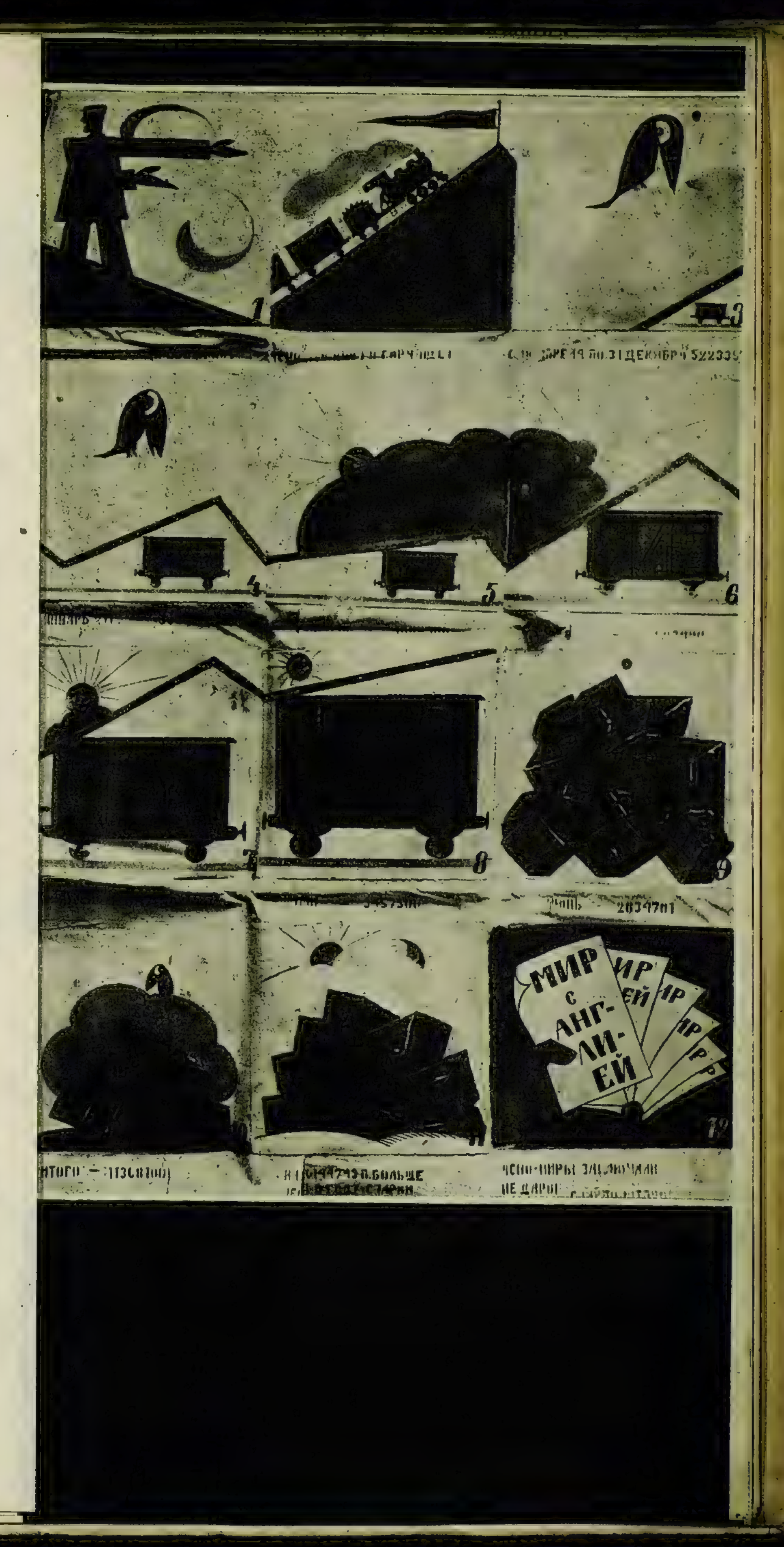
не ЭТОТ

правильно годовщину празднует,

пе этот
имеет представление об
Октябрьской годовщине.
Правильно празднует тот,
кто, забыв гуляния разные,
идет,
без устали
железные дороги чинит.

новогодний номер

Под кровли хижин
и дворцам
под арки
Роста разносит
новогодние подарки.
Меньшевикам,
чтоб могли хвастнуть обновой,
резолюцию дадим
не прошлогоднюю, а новую.
Всей буржуазной и белой тле
подарим
по новенькой
пеньковой петле.
Колчаку,
чтоб в Байкале не утоп зря,
два подарим спасательных пузыря.
Рабочим Европы
принесем в подарок
этот флаг —
красив и ярок.
А нам,
богаче
раз во сто,
красноармеец
сам
подарит Ростов.

день
парижской коммуны

Рабочий Парижа
коммуну
хотел
на благо выстроить миру.
Коммуну смял Галифе
и тел
груде
могилу вырыл.
Расстрелов дымом объят горизонт,
шабаш буржуев неистов:
буржуйка парижская
тыкала зонт —
в простреленный глаз коммуниста.
Не смыть
убийцам
борцов имена
ни виселицей
и ни тюрьмою.
Во всем урожае
взошли семена,
и в небе
знамена моют.
Россия
сквозь горечь смертей и ран
пробилась,
коммуну строит,
и снова
коммуну
в каждой из стран
увидят
в советском строе.

ЧТО делать?

Что делать, чтоб сытому быть?
— Врангеля бить!
Что делать, чтоб с топливом быть?
— Врангеля бить!
Что делать, чтоб одетому быть?
— Врангеля бить!
Врангеля бить,
сжать винтовку рукой,—
выход один,
не может быть выход другой.

третья

В грозном гуле борьбы —
третья годовщина.
Нам не из чего гирляндами
украшаться,
нам некогда
в демонстрациях
расхаживать чинно.
Чем зря
заниматься
материи потерей,
мы фронту
на рубахи
отошлем материю.
Чем мостовые
в демонстрациях
бить ногами,—
фронту на помощь
быстрыми шагами!
Оденется фронт,
укрепится фронт,
и тогда, победив,
празднуй, сколько хочешь,
мирными демонстрациями к
коммуне иди!

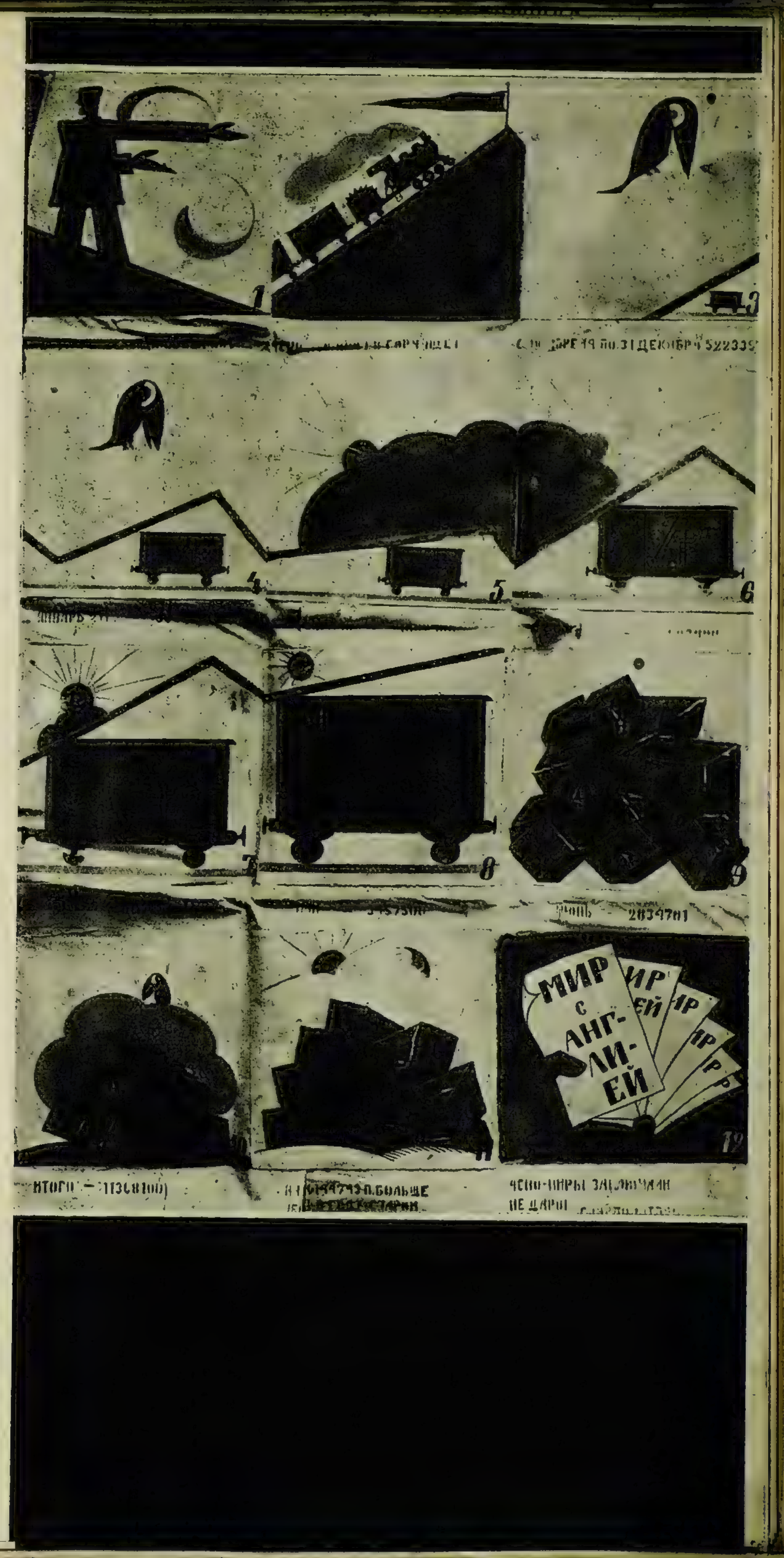
делай предложения!

Все, что может,
дает коммуна шахтеру.
Получит уголь —
даст больше!
Но и то,
что есть,
распределяется плохо.
Как выйти из такого положения?

Делай предложения!

Шахтер!
Инструмента мало!!
Кирка пропадет,
не достанешь другой.
Лампу разобьешь, —
не скоро достанешь!
А инструмент без учета течет...
Как выйти из такого положения?

Делай предложения!

нормализованная гайка

Подходи, рабочий,
обсудим дай-ка,
что это за вещь такая гайка?
Что гайка?!
Ерунда! Малость!
А попробуй-ка,
езжай, ежели сломалась.
Без этой вещи,
без гайки той —
ни взад, ни вперед.
Становись и стой!
Наконец отыскали гайку эту...
Прилаживают...
Никакой возможности нету!..
Эта мала,
та велика —
словом,
не приладишь ее никак.
И пошли пешком,
как гуляки праздные.
Отчего?
Оттого, что гайки разные.
А если гайки одинаковые ввесть,
сломалась —
новая сейчас же есть.
И нечего долго разыскивать тут:
бери любую —
хоть эту, хоть ту!
И не только в гайке наше счастье.
Надо
всем машинам
одинаковые части,
а не то, как теперь —
паровоз и паровоз —
один — паровозом,
а другой, как воз.
Если это
поймет
рабочего разум, —
к коммуне
на паровозах
ринемся разом.

неделя санитарной очистки

На грязи
у ворот
собирался народ
праздно.
Стали хмурые в ряд:
„Очень уж, — говорят, —
грязно!“
Не поспей к ним Совет,
простояли бы лет —
сколько?!
Чем стоять так в грязи,
ты ее вывози —
только!
Хлеб мужик в город вез
да сломал паровоз —
чешет ухо!
Тут собрался народ,
стал кругом и орет, —
мол, „разруха!“
Так орал бы лет пять,
мчат газеты опять —
почта!
Слез чем лить целый Нил,
ты б его починил, —
вот что!
Злятся граждане:
„Фу!
Быть нам, бедным, в тифу
вскоре,
прямо, делай, что хошь,
заедает нас вошь...
Горе!“
Санитар к ним опять
(им в могиле бы спать
досыта!):
„Ты повыскреб бы вошь,
сразу лет доживешь
до ста!“
Электрический ток
стал вздымать молоток
четкий.
Чинят там и тут,
подметают, метут
щетки.
Каждый сыт и здоров,
вволю хлеба и дров!
Вещи!
Чисто!!!
Грязи ни-ни!
Солнце целые дни — блещет!!!

россия —
единое
советское
хозяйство

Власть советская —
власть России всей,
каждый угол в ней
равно дорог ей.
Села в ней стоят,
города стоят,
надо всюду
жизнь
повести на лад.
Лекарей дадут,
коль хрома нога,
если ноги целы,
то хромым помогай.
Это сказ к тому,
что была война,
больше всех кого
разнесла она?
От войны
никому
удовольствия нет,
но с нее
городам
самый больший вред:
фронту все неси,
все для фронта дай,—
для себя
совсем
не живут города.
Путь железный
жизнь
в городища льет,
по путям
война
городища бьет.
Чтоб дышать,
нужна городам руда.
На руду
война
направляет удар.
Сломан транспорт раз,
в город хлеб не шлют.
Подкормиться в село
мчит рабочий люд.
Город — к свету путь,
город — в знание дверь,
дверь закроют,
Русь одичает, как зверь.
Много рук
война
отняла от сел,

взято многое,
но не взято все.
За селом,
как всегда,
сочный зелен луг.
Батареей
его
не застрелишь вдруг.
За коровою
ходит бык хвостат,—
так же множится
гуща крестьянских стад.
Власть советская
на Россию глядит:
удивителен
и плачевен вид:
город-голову
искалечил бой,
ноги-села
живут,
занимаясь ходьбой.
Как живого
нельзя
пополам разделить,
так и это впредь
невозможно длить.
Надо взять у одних,
надо дать другим,
если есть у вас,
было чтоб и им.
Отбирает власть
масло, хлеб и мед
и голодным даст
то, что с вас возьмет.
Коль у бедных берет,
братцы, верьте ей,—
значит есть
на Руси
те, что вас голодней!

радуются,
смеются буржуи

Никогда не смеялись победней —
концессии получили,
нас научили.
Ладно! Хорошо смеется тот,
кто смеется последний.

скрал
спекулянт миллион,

мчит к Сухаревой башне.
Затеял с торговкой лепешками
шашни.
Сколько стоит булочка оная?
„Оная булочка
полторамиллионная!“
Кричит спекулянт:
„Караул,
обидели!
Где это булочки полторамиллионные
видели?“
На шум
прибежал
милиционер постовой.
„Что это за вой?“
Смотрите на них,
до гроба
просидели в Чека оба.
Мораль:
чтоб хлеб у разрухи вырвать,
надо транспорт чинить,
а не спекулировать.

да здравствуют
субботники!

Эй, товарищи, железнодорожник и
водник!
Помните,
каждый честный работник
должен итти на субботник!
Вас
на субботник
может выйти
полмиллиона ровно.
А ходит всего 50 000,
да и то
случайно и неорганизованно.
Забита железная дорога.
Чинить, чистить нужно!
Двиньтесь все на субботник,
и будет дорога починена,
почищена
и разгружена.

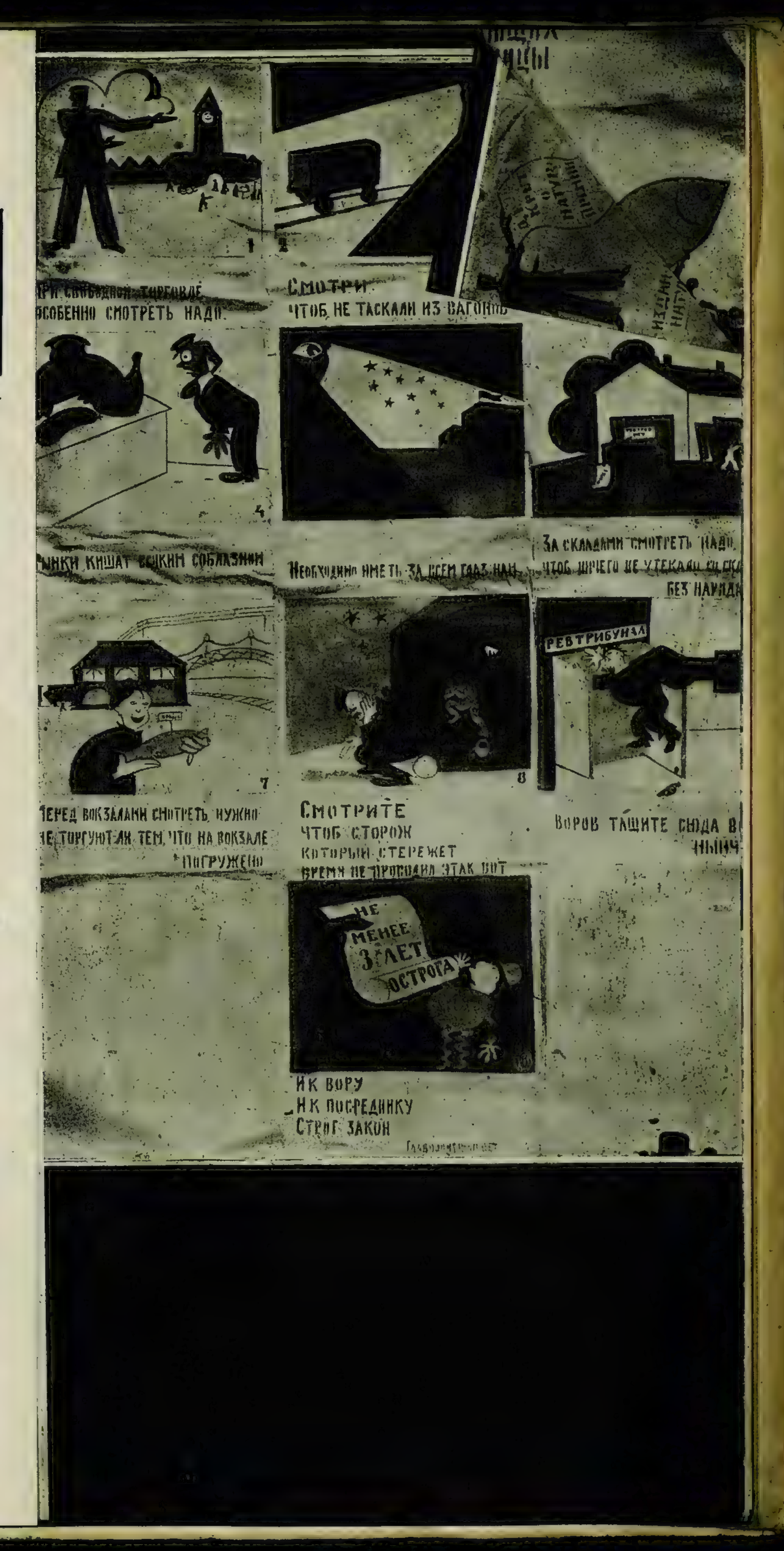
неделя крестьянина

Крестьяне!
Вы только должны быть рады,
если за хлебом
продовольственные
придут отряды.
Как белогвардейцы, хлеб
не отнимаем мы —
хлеб,
который дан,
рабочим голодным пойдет в города.
Фабрики задымят,
лишь рабочий насытится,
новенькие косы заблестят,
засияет утварь,
горы навалятся ситца!!!
Крестьянин,
ждать не будешь долго,—
рабочий долго не задержит долга!
И вместо жизни теперешней —
в старье и в грязи,
будет жизнь такая,
что хоть рот разинь!
Вот почему,
если красный просит
пуд,
давай тридцать,—
все возвратится тебе
сторицей!

поэтому

НЕ бросайте!

Кружатся и рыщут, ища упавших,
волки да вороны,
рыщут мародеры и спекулянты,
скупая плуги и бороны.
Чтоб новое бедствие не разразилось,
в новый урожайный год
государство
постановило:
Покупать инвентарь
за государственный счет.
Станет год по урожаю лучшим,
мы обратно инвентарь получим.
Поэтому не бросайте!
Не давайте мародерам на сторону,—
сдавай государству соху и борону!

чистка

Сколько народу примазалось!!
Пройдет в аппарат спекулянт-
хозяйчик,
работает день и ночь,
но не над тем,
чтоб нищей республике помочь,
не над тем,
чтоб
промышленность восстановиться могла,
не над тем,
чтоб товарами нам помогла,
а над тем думает банда оная,
как бы хапнуть добро казенное!
РКП примазавшихся стряхнула с тела.
Надо,
чтоб то же
весь аппарат советский сделал.
Всякий,
чье сердце власти рабоче-
крестьянской радо,
помоги уничтожению спекулянта и
казнокрада.

крестьянин, эй!

что ты делаешь, делай скорей!

Помощь должна быть доставлена
до 20 числа августа месяца.
Не доставите, —
крестьянину хоть повеситься.
С помощью опоздать —
это все равно, что ничего не дать.
Чтоб в 21-м году голода избежать,
надо не вразвалку итти,
не итти, как обыкновенно,
а бежать!!!
Эй, крестьянин!
Продработник, эй!
Что делаешь,
делай скорей!

при свободной торговле особенно смотреть надо

Смотри,
чтоб не таскали из вагонов,
смотри,
чтоб не крали с казенных складов.
Рынки
кишат
всякими соблазнами —
необходимо иметь за всем глаз
нам.
За складами смотреть надо,
чтоб ничего
не утекло со складов без наряда.
Перед вокзалами
смотреть нужно,
не торгуют ли тем,
что на вокзале погружено.
Смотрите, чтоб сторож, который
стережет,
не похрапывал вот этак вот!
Ворующего — в Чека!
Насидится он —
и к вору
и к посреднику
строг закон!

чтобы не были брюха порожненьки, берегите дрова, железнодорожники

Тот, кто спер дрова и шасть —
всех воров гаже.
Все равно, что обокрасть
самого себя же!
Нету дров — беда тебе ж,
скрал дрова — не сетуй.
Если ты не пьешь, не ешь,
значит ввоза нету.
Если ж нечем будет везть,
ввек не станет лучше.
И того, что нынче есть,
завтра не получишь.
Чтоб могла нам наша власть
дать еду и прочее,
у себя ни щепки красть
не должны рабочие.

что такое электровоз

На паровозе ездили в копоти и дыме,
на электровозе —
приехали другими.
Провозил за раз
100 пудов паровоз.
Этот
вдвое скорей,
и 200 провез.
Хотите,
чтоб всюду
ездили такие?
Все за работу,
все в мастерские!

расчистка пути

На Двине ль, на Днепре ль, на
Дону ли
гниль и прель с дороги спихнули.
Эй, крестьяне,
рабочие,
в ногу!
На широкую выйдем дорогу!!
Но!..
Дорога закрыта разрухой,
как же быть нам с проклятой
старухой?
Растревожен рабочий наш улей:
не возьмешь ни штыком,
ни пулей.
За разрухой —
сынок ее,
голод...
За работу,
лопата и молот!
За работу
на фронте бескровном!
Станет путь
и свободным и ровным!!
Путь проложен
трудом
к новой жизни!
Прочь с дороги, трутни и слизни!!
Красным золотом,
солнце, брызни, —
мы навстречу идем
новой жизни!

все на субботник

Суббота.
Окончили пораньше работу
и дружной гурьбой пойдем на
субботник.
А ты что, товариш, стоишь, как картина?
„Да я не пойду,
ведь я беспартийный!“
Пошли к паровозам, трудились немало,
а все ж
для работы
людей не хватало.
Однажды
не выдали хлеб в понедельник,
всех больше ругался
тот самый бездельник.
Бранил советы,
разруху бранил,
и никто ему в дурью башку не вбил:
чтоб был постоянный хлеба подвоз,
надо помочь
чинить паровоз.
Товарищ! Хочешь быть
в понедельник довольный —
в субботу
работать
иди добровольно!

да здравствует неделя ремонта!

В мастерской хохочет глухо
ведьма старая — разруха,
веселится: „Это што?
Не станок, а решето!
Ну, потеха с их гудками!
И откуда эта прыть?
Вишь, такими-то станками
и меня хотят убить?..
Что я вижу?
Неужели
сочтены мои деньки?
Ах, в течение „недели“
все повычинят станки“.
Побеждай разрухи злость:
каждый гвоздь —
в разруху гвоздь.
Мы недаром гнули спину, —
о разрухе
нет помину!

первый

в ы в о з

Раньше художники,
карандашами дыша,
рисуночки рисовали на загородной
дачке, —
мы не такие,
мы вместо карандаша
взяли каждый
в руку
по тачке.
Эй!
Господа!!
Прикажете подать?!
Чего же,
пожалуйста...
Извольте...
Нате...
В очередь!
В очередь!
Не толпитесь, господа!
Всех прокатим
теперь мы вас!
Довольно — вы нас!!
Нельзя ли какого премьера-министра —
с доставкой в яму
распивочно и на вынос.
Заказы исполняем аккуратно и быстро.
Смотрите, не завалялась ли какая
тварь еще.
Чтоб не было никому потачки.
Россия не ждет!
Товарищи!!
В руки по тачке!!!
Дивятся англичане — чтой-то?!
Везут на тачке Джорджа-Ллойда...
За то везут его на тачке,
чтоб белым
он
не давал потачки!

третий вывоз

„Итальянский премьер просит лидеров католической партии поддержать правительство. Правительство будет недолговечным“.

из газет

У попов под гривой зуд!
Взять министров им с кого?
Бросьте!
Скоро вывезут
и вас,
и папу римского!!

четвертый вывоз

Тачку в руки красноармейцам
плечистым!
Очисть от белых
Россию
тщательно!
Деникина вывезем,
и гладким и чистым
социалистическое отечество
станет окончательно!

новый враг

„Перед нами три громадных затруднения, которые мы должны преодолеть: хлеб, топливо и опасность эпидемий“.

из речи ЛЕНИНА

Опасности мы не умели постичь,
опасность над нами стояла...
Но вот РК партия кликнула клич —
и падают три генерала...
Но зорко, товарищ, беду стереги,
опять у ворот она стала:
тиф, голод и холод — лихие враги,
вот новые „три генерала“.
Отравой напоит один бедняка,
другой
леденит его тело.
А после
костлявая злая рука
докончит блестящее дело.
На „трех генералов“ готовится бич
не хуже „партийной недели“.
Опять РК партия кликнула клич.
Товарищи, слышали все ли?!

думай заранее

Если ты все лето пела,
так зимою попляши!
Надо
летом делать дело,
чтоб зимой сидеть в тиши.
Чтоб в тепле зимою быть,
надо
летом лес рубить!

товарищи! у нас газет мало,

а газета
как попала в учрежденье,
так и пропала!
На службе некогда почитать ему —
дома удобней развлекаться одному.
А после передает жене газету,
говорит,
передавая
газету эту:
„На, мол,
газеты мои,
юбки новых фасонов крои“.
А по улице
ветер свищет,
а по улице
рабочий рыщет.
Рабочий газету на стене ищет!
Отчего
газет нету?
Оттого, что ты
украл газету!
Береги газету,
газет мало!
Возвращай в учреждение,
если из учреждения попала.

СМОТРИ, рабочий

Вот о чем сегодня речь:
надо
инструменты
как следует беречь;
искать инструменты, —
подохнешь со скуки,
берут,
какой подвернется в руки!
Пропала отвертка!
Думает:
„Чушь,
я и стамеской винт завинчу“.
Стамеска пропала...
Как быть?
Можно отверткой
дыру пробить.
Так портятся рубанки,
стамески,
пилы;
все
неаккуратность
зазубрила и иступила.
Нет инструмента —
нечем работать,
нечем работать —
нет излишка,
нет излишка —
рабочему крышка!
Результат вот:
неаккуратность
хлеб изо рта рвет.

ТРОЕ

Рабочий
здание коммуны возносит:
кладет кирпичи
и камни ности.
Красноармейцы,
сомкнувшись лесом ружей,
пролетарское здание
охраняют снаружи.
А чекист
стоит,
работой завален,
смотреть,
чтоб коммуну
изнутри не взорвали.

а вот, а вот, подходи народ!
ты не знаешь о взаимопомощи
декрета?
подходи и обмозгуй это:

Нового инвентаря самая малость.
А старье
поразломалось,
но и то, что есть,
настоящий урожай не может
принесть.
Что толку в инвентаре,
ежели он
неправильно меж крестьянами
распылен?
У одного семян не мало,
засеял бы,
да лошадь взяла и пала.
А у другого — лошадь,
и лишь
все семена перегрызла мышь.
А у третьего
нечем поживиться и мыши,
весь инвентарь —
двое детишек.
И если трое —
к дяде дядя,
на незапаханное поле глядя,
что же, товарищи, делать тут? —
Соединить семена,
лошадь
и труд.
Объединись же,
если ты не туп и не глуп,
в ряды сельхозгрупп.
Общим инвентарем заработаешь по
декрету,
глядишь —
и урожай сам-тридцать к лету.
Орудия не отбираются,
ты
их
даешь лишь на время работ
полевых
и еще за то,
что дал эту лошадь
или машину ту —
и тебе вознагражденье,
и фураж скоту.

если вы **не** знаете
об урегулировании оплаты декрета,
смотрите это!

Чтоб труд рабочего
был оплачен,
намучаешься,
прямо хоть растекайся в плаче.
Советский бюрократ
хоть тут
рабочему
подгадить рад.
„Вы, — говорит, — плату получить
не хотите ль?
А почему
не подписался
Петров письмоводитель?
А это чья подпись?..
Ивановой, секретарши?..
Не допущу,
ищите секретаря постарше!
Подписи-то те,
да не та печать.
Не угодно ли сначала бегать
начать“.
Походивши
2—3 месяца,
впору повеситься.
По последнему декрету
должны уничтожить волокиту эту.
Кто увеличил производительность
трудом личным,
тому
и заработок
будет увеличенным.
Чтоб работа
без задержек
могла итти,
работу сделанную
без задержек оплати!

ЭЙ, товарищи!

Чтоб спекулянтам не на кого было
опираться,
расширены
по декрету
права кооперации.
Хоть раньше
в кооперацию
и шел гражданин,
что дать
при разверстке могли они?
Армию кормил советский декрет,
а для частных лиц —
„продуктов нет!“
Война окончена.
Чтоб торговать мог,
крестьянин
уплачивает
лишь продналог.
Отныне
в кооперации с расширенными
правами
может
все
покупаться вами!

СПОРТ — наш ОТДЫХ

Если
насиделся много,
поразмять захочешь ноги,
повозись часок с футболом —
станешь добрым и веселым!
Если
за день
у станка
затекла совсем рука, —
самый лучший способ в мире
помахать немного гирей.
В общем,
если
тело
за работой онемело, —
не сиди один в углу,
а беги в спортивный клуб.
Отдых там найдешь себе:
в беге,
в прыганье,
в борьбе!

если жить в разброд,

как махновцы хотят,
буржуазия передушит нас, как
котят.
Что единица?
Ерунда единицы.
Надо
в партию коммунистическую
объединиться.
И буржуи,
какими б ни были ярыми,
побегут
от мощи
миллионных армий.

крестьянское

Нищета
и ничего более
у нас
от этого самого трехполья.
Сажайте, не покладая рук, вы
свеклы,
репы,
моркови
и брюквы!
Обилие корма —
радость коровья.
Доится
во все коровье здоровье.
В придачу
золото, а не навоз
вози на землю
за возом воз.
И в результате
узнаешь нас ли?!
Катаемся,
как сыр в масле.
Червонцами
полон чан,
у нас просят,
а не мы у англичан.
Чтоб к нам
не приставал
непонятливый лодырь,
мораль вывожу:
мы
за корнеплоды.

наши **поправки**
в англо-советский договор

Дин-дин-дон!
Дин-дин-дон!
Лондон —
сумасшедший дом.
Те: „Дадим“,
а эти:
„Им
ни копейки не дадим“.
Вот взъерошенный, как еж,
в драку лезет Ллойд-Джордж.
„Где ты, Асквит?
Подсоби!
Дам я в морду Понсоби“...
Достопочтенный лорд Черчилль
совсем в ругне переперчил:
орет,
как будто чирьи
вскочили на Черчилле.
Речь водой у Макдональда,
льет он —
надо аль не надо.
Иль с елеем
ставит клизму
старику капитализму.
А потом
орут:
„Пора!
Подавайте выбора!“
Невдомек
английским комикам,
как покончить
с этим домиком.
Вот
рабочим
наш совет:
встаньте раненько,
чуть свет,
и, встав
с зарею утренней,
заем устройте
внутренний.
Заодно
пусти спиралью
дрянь
консерволибералью.

А футы и прочее
пусть возьмут
рабочие
Мы б
вступили
с этих пор
и без прений
в договор.
Тут и спор о займе к чорту:
по любви,
не по расчету.

рабочий, эй!

Раньше
купеческий сыночек
так прогуливал свободные ночи:
„Пей, Даша!
Пей, Паша!
Все равно
за все
заплатит папаша“.
Папаша потрогает сынку бочок,
нарвет ушей с него целый пучок,
да еще,
чтоб не повторялся прогул,
вывернет кстати одну из скул.
А сам наутро,
чтоб не раззориться,
прогуленное,
с рабочих
выжмет сторицей.
А теперь
в прогул
прогуливает рабочий,
к сожалению,
рабочие дни, а не ночи.
Прогуливает
не доходы папаши,
а смычку с деревней
и производство наше.
Ему не нарвешь —
в бороде и с усами.
Товарищи,
прогульщиков клеймите сами!
Помни, рабочий:
каждый прогул
горе — нам,
радость — врагу.

гражданин!

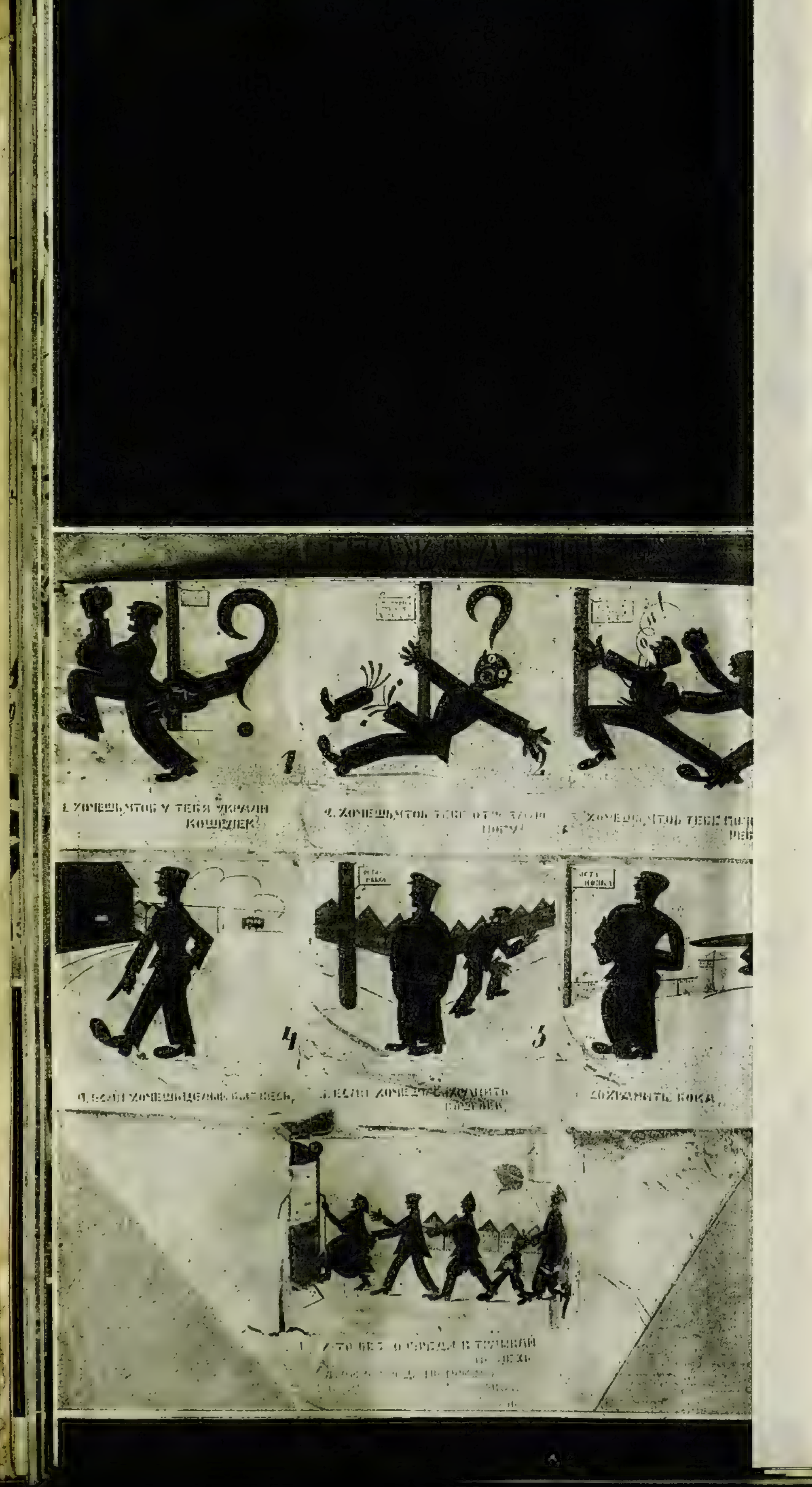
Хочешь, чтоб у тебя украли
кошелек?
Хочешь, чтоб у тебя отрезало ногу?
Хочешь, чтоб тебе поломало ребро?
Если хочешь
целым быть
весь,
если хочешь
сохранить кошелек,
сохранить бока,
то ты
без очереди
в трамвай не лезь,
жди,
очередь не придет пока.

маленькая
электрификация

В воскресенье
от звона
такой шум,
что и весельчаку
самоубийство
идет на ум.
Звонить вручную —
путь окольный.
Провел провода,
кнопку нажал, —
и бог
моментально
со своей колокольни
обулся
и прибежал.
А если
звонарям
некуда
деться,
приставить
к парадным —
не разберешься
без спеца.
Не разобраться
без ангелов кротких,
где два длинных,
а где
два коротких.

ха, ха, ха, ха, ха...

можно со смеху уморитъся:
Врангель предлагает Советской
России мириться.
„Я, — говорит он Керзону,—
помирюсь,
только пусть меня признает
Советская Русь“.
Признаем обязательно,
как не признать
такую родовитую знать!
Такого у Врангеля увидите
министра финансов — а
стоит посмотреть только на нос его.
Будут
у такого
финансы хороши,
будет
за водку
выколачивать гроши.
Министр юстиции
еще почище.
Посмотрите только
ему на кулачище.
Не успеем и оглянуться тут,
как в России всей равномордие
введут.
А вот и иностранных дел министр
перед дипломатами Антанты
старается быстр,
не пройду и премьера ихнего
мимо я,
вот он
с товарами за плечами орет:
„А вот подходите!
Единая-неделимая!“
Правильно, не врет.
По частям не продаст,
ждет, за неделимую,
кто сразу даст!
Товарищи красноармейцы,
как в Крыму будете,
все это правительство попризнавать
не забудьте.

лига наций

Лига наций — европейский пожарный —
нюхает, не пахнет ли буржуазией
жареной.
Увидит над Венгрией сноп огня,
мчится тушить, пожарных гоня.
Взовьется над Германией
революции сноп,
сейчас же:
„Пожарные,
заливайте,
стоп!“
Растерялся пожарный —
чересчур ало:
огонь идет из III интернационала.
А ну, товарищи,
весь мир подпалите-ка,
чтоб Лига наций не затушила
политикой.

не увлекайтесь победами

Вести приходят:
„на польском с победою“,
думает рабочий —
отдохну и пообедаю.
А поляка не добили,
из мертвых встал,
и снова
начинает
бить с хвоста.
Чтоб этого не
было
при победе первой,
только больше напрягите мускулы
и нервы.

БРАТСТВО

Братство не задушили военщины года,
рабочий к рабочему
тянутся всегда.
Встали
головы за облака.
Руки пожимают через цепи блокад.
А буржуям не нравится,
подняли ругань,
оттягивают пролетариев друг от
друга.

Наполнив воздух злобы звоном,
оттягивают англичанина Ллойд-
Джордж с Керзоном.
Русские растоптали буржуазию-
тараканье,
а что ж англичане смотрят на нее?
Раззудись плечо,
размахнись рука,
чтоб в воздухе летали буржуазные
окорока.

последняя страничка граждачской войны

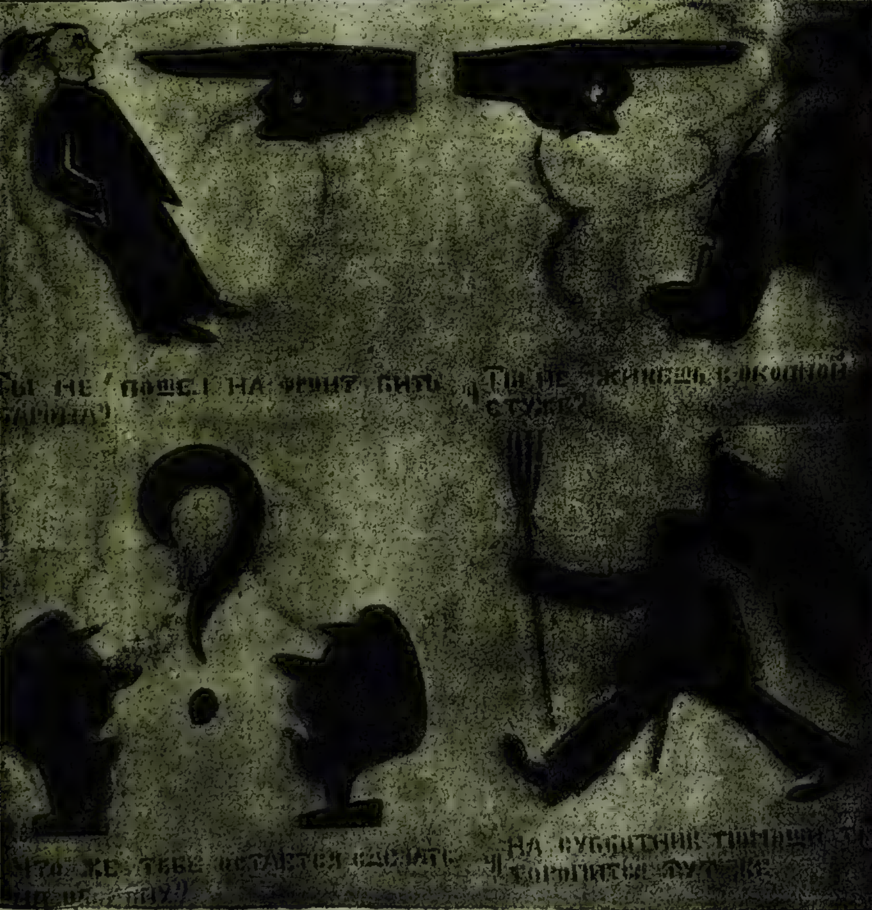
Слава тебе, краснозвездный герой!
Землю кровью вымыв,
во славу коммуны,
к горе за горой
шедший твердынями Крыма.
Они проползали танками рвы,
выпятив пушек шеи,
телами рвы заполняли вы,
по трупам перейдя перешеек.
Они
за окопом взрыли окоп,
хлестали свинцовой рекою,
а вы
отобрали у них Перекоп,
чуть не голой рукою.
Не только тобой завоеван Крым
и белых разбита орава,
удар твой двойной:
завоевано им
трудиться великое право.
И если
в солнце жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
мы знаем,
вашей отвагой она
взята в перекопском штурме.
В одну благодарность сливаем
слова
тебе,
краснозвездная лава.
Во-веки веков, товарищи,
вам —
слава, слава, слава!

про то, как за немцами на денежки антанты
отечественные двинулись, для „удушения" наняты

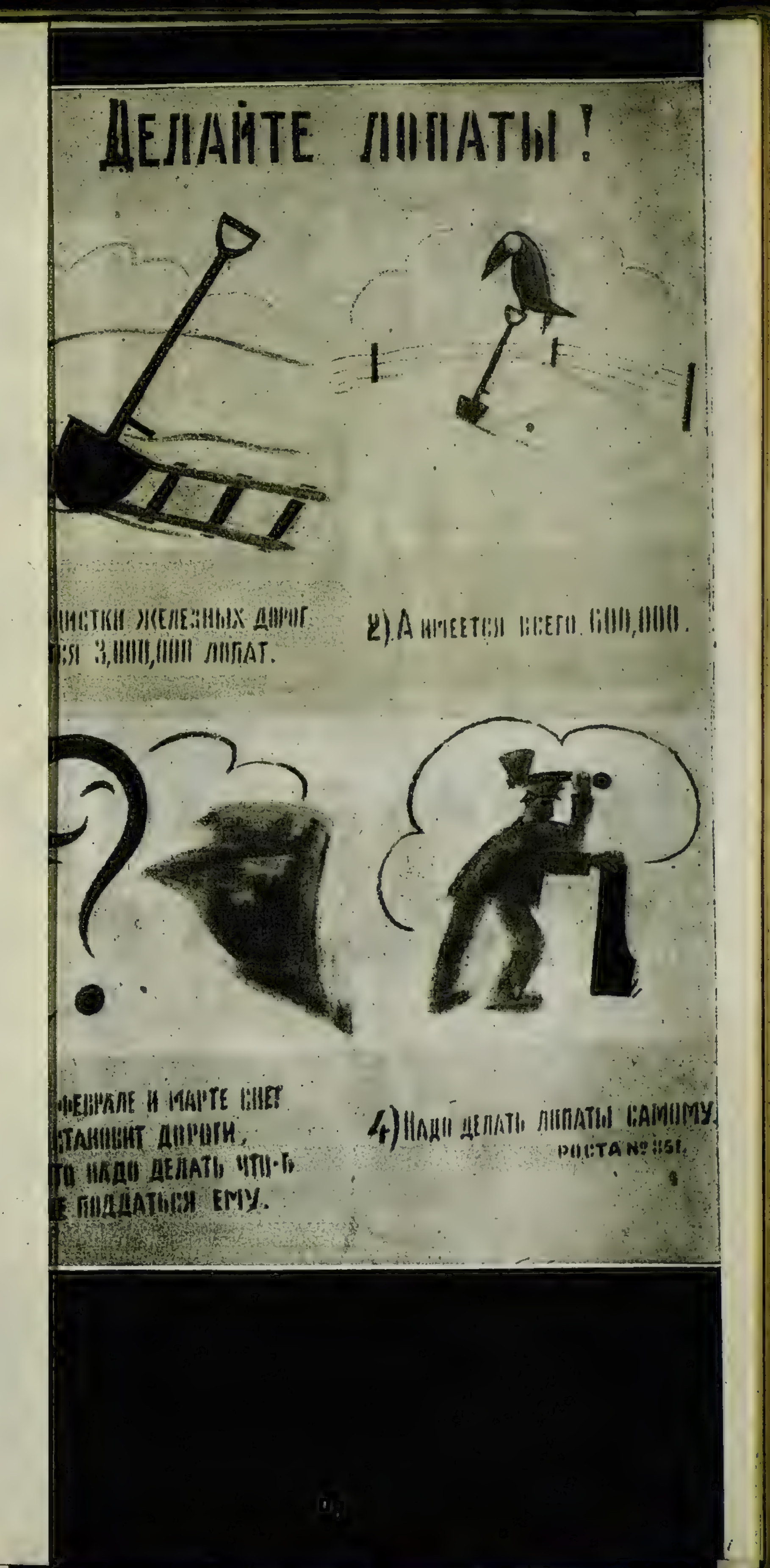
Думал их превосходительство:
„Попотчую
Я эту самую сволочь рабочую!"
А рабочий думал:
„Ну-ка,
садану-ка,
садану я милова.
Матушки!
Милова Корнилова.
Батюшки!"
А с лица и злющ и вреден.—
Матушки!
На него попер Каледин.
Батюшки!
Генерал попал под палку.
Матушки!
Скоропадский лезет в свалку.
Батюшки!
Саданул, а сбоку снова.
Матушки!
Что же, смажем и Краснова.
Батюшки!
Вдрызг! Враги ль не все его?
Матушки!
Видит Алексеева.
Батюшки!
Саданул его я. Эх!
Матушки!
А сбоков словакочех.
Батюшки!
Как взмахнул я палицей.
Матушки!
Все на версты валится.
Батюшки!
Да беда пришла почище.
Матушки!
Прет из щели Колчачище.
Батюшки!

Аж Юденич с Деникиным
подняли вой
на зависть
всяческим операм,
когда адмирала
в Байкал головой
ввинтили
красные штопором.

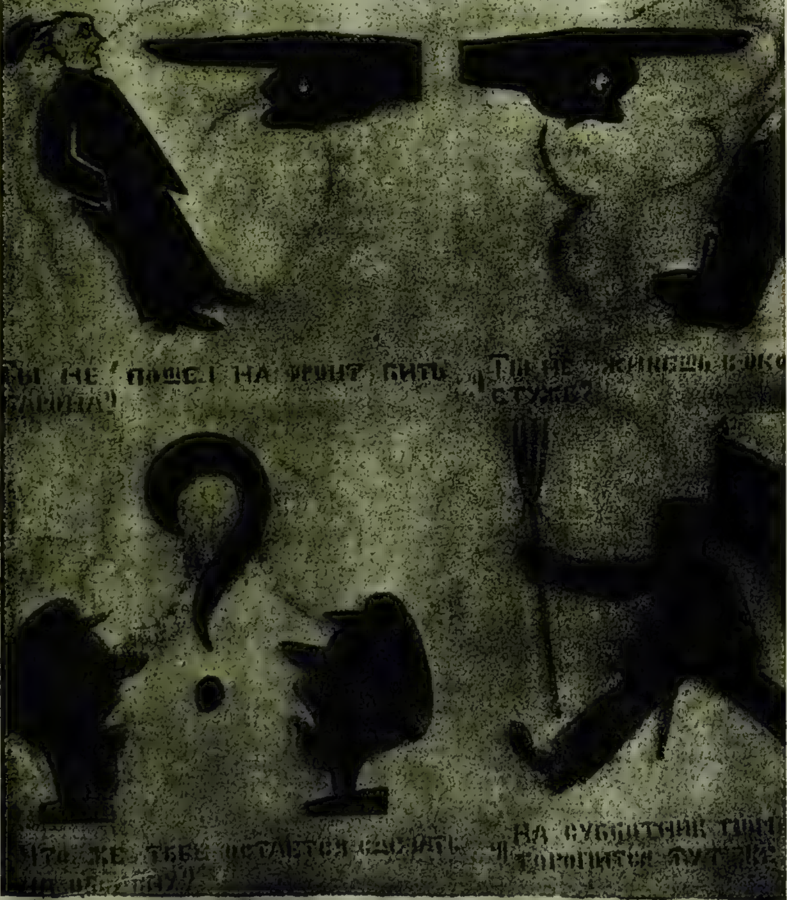

советский союз
намотай на ус:
кто ЮЗ

В молодости
Юз
перед судебным органом
защищал
миллиардера Моргана.
Провода под землей-де
дорого
и далече,
пусть так висят
и рабочих калечат!
Видя,
что Юз —
человек свой,
дружит с ним трест
„Стандарт-Ойль“.
Тресты
Юза
и туда и сюда:
Юз —
член
верховного
суда.
Юз-судья
глядит сквозь
пальчики
на господ,
замешанных
в нефтяном
скандальчике.
За это
Юза
папаши из трестов
сажают
на статс-секретарское место.
Ненавистью
и злобой дыша,
языком
обматывает
земной шар.
Теперь
от наживы
слюнками тая,
лезет

лапой
к горлу Китая!
Но Юзу
охочее
всех охот —
на нас
повести
крестовый поход.
Без хлеба
и соли,
но от всего сердца
ждем Юза
с красным перцем.

грустная повесть

из жизни филиппова

Филиппов —
не из мелочей,
царю он
стряпал торты.
Жирел
с продажи калачей —
и сам
калач был тертый.
Октябрь
подшиб торговый дом.
Так ловко попросили их,
что взмыл
Филиппов,
как винтом,
до самой
до Бразилии.
В архив
иллюзии сданы,
живет Филиппов —
липово:
стощал Филиппов,
и штаны

протерлись у Филиппова.
Вдруг
озаряется лицо
в тиши
бразильской ночи:
Филиппов
пишет письмецо
в Москву,
к „своим“ рабочим.
„Совласть,
и вас
люблю, ей-ей,
и сердцем я
и разумом.
Готов
за тысячу рублей
признать
с энтузиазмом.
Прошу
во имя ИСУХРИ,
жду
с переводом бланки,
вновь
запеку я сухари
и снова
встану на ноги“.
Во-всю
сияют пекаря
и прыгают,
как дети,
строчат,
любовию горя,
Филиппову ответик.
Мадам Филиппова
ревет,
дочь
скачет, как кобылка,—
им даже
и не перевод,
а целая —
посылка...
Восторг!
от слез —
глаза в росе.
Такой
не ждали штуки ж.
И вдруг блеснул во всей
красе
им —
шоколадный кукиш.

ДЕЛАЙТЕ ЛОПАТЫ!

1) ДЛЯ ОЧИСТКИ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ ТРЕБУЕТСЯ 3,000,000 ЛОПАТ.

2) А ИМЕЕТСЯ ВСЕГО 600,000.

3) В ФЕВРАЛЕ И МАРТЕ СНЕГ ОСТАНОВИТ ДОРОГИ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ ЧТО-Б НЕ ПОДДАТЬСЯ ЕМУ.

4) НАДО ДЕЛАТЬ ЛОПАТЫ САМОМУ.

РОСТА № 851.

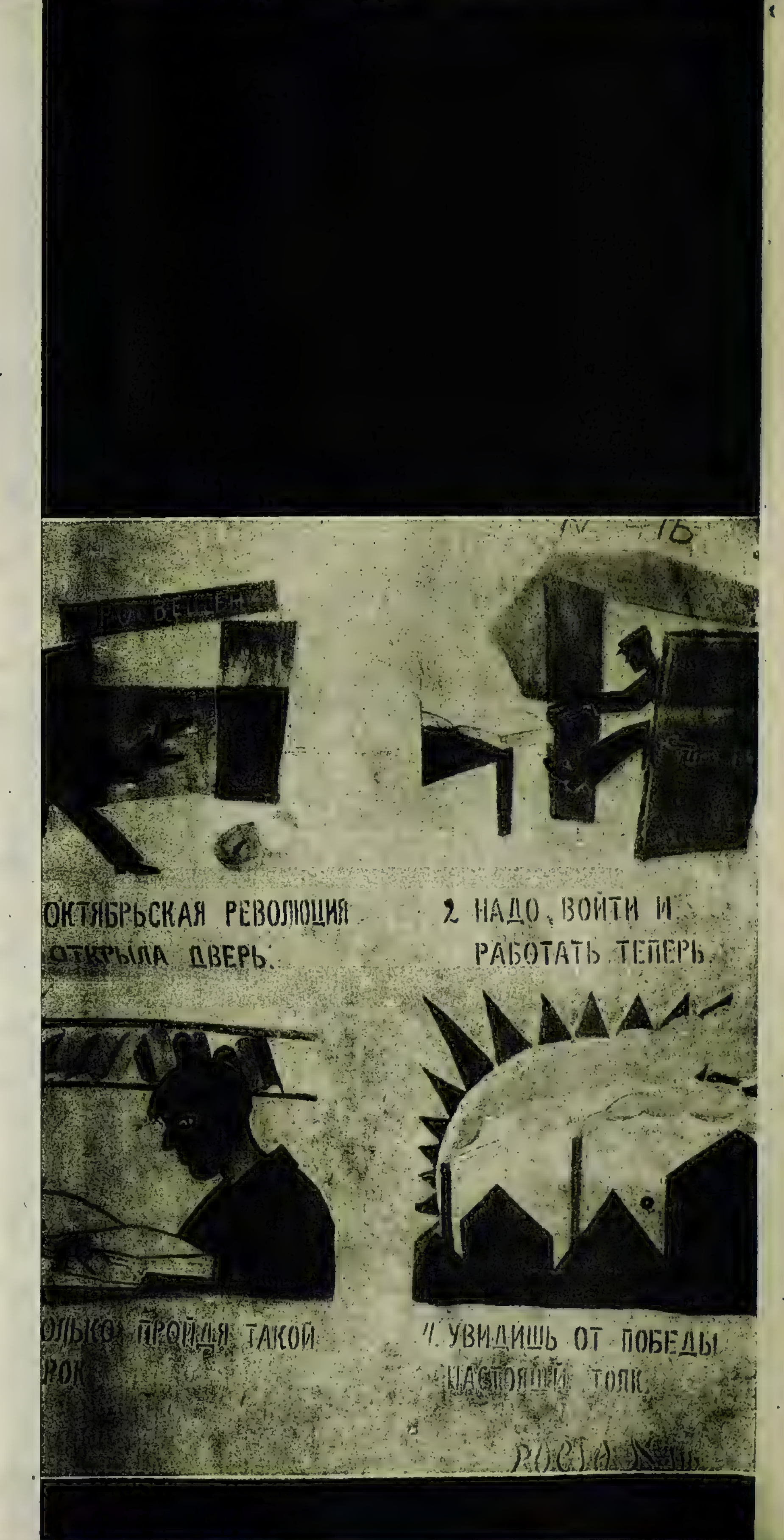

х у л и г а н щ и н а

Только
      солнце усядется,
      канув
за опустевшие
фабричные стройки,
      стонут
      окраины
            от хулиганов
вроде вот этой
милой тройки.
Человек пройдет
      и — марш поодаль.
Таким попадись!
Ежовые лапочки!
От них ни проезда,
от них
      ни прохода
ни женщине,
ни мужчине,
            ни электрической
                        лампочке
„Мадамочка, стой!
Провожу немножко...
      Клуб?
Почему?
            Ломай стулья!
Он возражает?
      В лопатку ножиком!
Зубы им вычти!
      Помножь им скулья!“
Гудят
      в башке
            пивные пары,
тощая мысль
      самогоном
            смята,
и в воздухе
      даже не топоры,
а целые
      небоскребы
            стоэтажного
                  мата.
Рабочий,
      этим ли
            кровь наших жил?!
Наши дочки
      этим разве?!
Пока не поздно —
      конец положи
этой горланной
      и грязной язве!

ПОСТОЯЛ здесь,
МОТНУЛСЯ туда,—
ВОТ и **ВСЯ**
производительность труда

Пришел Петров,
осмотрел станок.
С полчаса потоптался
на каждой из ног.
Час на это топтанье
потерял
и побежал
получать материал.
В конторе тоже
порядок простой:
за ордером
полчаса постой.
Получил ордер;
теперь надо
в очереди за материалом
постоять у склада.
Вернулся,
станок осмотрел тонко,
и видит —
не в порядке шестеренка.
Работа — не отдых,
не сидка средь леса,
побежал отыскивать,
где слесарь.
Петров, пока
шестеренка чинится,
то зевнет,
то подбоченится,
и наконец после
работы упорной
пошел отдохнуть —
покурить в уборной.
Из этих строчек
вывод простой:
рабочий,
уничтожь
и гульбу и простой!

на помощь!

Рабочий!
    Проснись,
        вставай
            и пройди
вверх
    и вниз по Цветному.
В тебе
    омерзенье
        и страх родит
этот
    немытый
        омут.
Смотри и слушай:
    прогнивший смех,
взгляд,
    голодный и острый.
Идут,
    расфуфырясь
        в собачий мех,
жены, дочки
    и сестры.
Не за червонец, даже
            за грош
эта
    голодная масса
по подворотням
    на грязи рогож
распродает
    свое мясо.
Сюда,
    попробуй,
        сунься,
            полезь!

Здесь бьют
страшнее танков!
Иссушит,
сгрызет
и свалит болезнь
тебя
и детей
и правнуков!
Идут —
накрашены обе щеки —
алеей,
грязной и торной,
а сбоку
с червонцами покупщики,
как будто —
над падалью вороны.
Я знаю:
такое
не вытравишь враз,
века
проституток калечат.
Я знаю:
десятки
красивеньких фраз
болезни веков
не излечат.
Рабочий,
нужду
учись понимать
не той лишь,
с которой венчанный.
Своя ли,
чужая ль жена
или мать,—
рабочий, вниманье женщине!

европейское
обозрение

Тили-бом, тили-бом!!
Стал гореть Вильсонов дом.
Клемансо бежит с ведром.
Тили-бом, тили-бом!!
Попадет тебе, Ллойд-Джордж,
погоди, усатый морж!
Вот Тибет уже восстал, —
накладут тебе с хвоста!
И ирландцы смотрят криво,
накладут тебе в загривок!
Сам Вильсон, —
тили-бом! —
с горя
в стенку
бьется лбом!!
Катят вниз буржуи с горки, —
забастовки в Нью-Йорке.
Утлый челн буржуев тонет, —
ждут „всеобщей“ в Вашингтоне.
Найден склад
в Чикаго
бомб.
Тили-тили, тили-бом!!!
И в Париже пламя рдеется:
есть уже красногвардейцы.
Старый хрыч, министр Пишон,
демонстрацией взбешон.
И премьер их,
Клемансо,
осовел, как сонный сом.
Тили-тили-тили-бом!!!
Лиге наций ведром
не залить горящий дом!!!

читайте!

специально
для
сартов и киргизов
будет
эта сказка
об одном верблюде

Таскал верблюдище
с дынями короб.
Устал, бедняга,
натрудил свой горб.
Устал верблюд
в тяжелых переходах.
В сад залез
и лег на отдых.
Случайно
хан
проходил по саду,
думает:
„Дай на горбатого сяду“.
Вскоре
подошел
толстопузый кадий,
пудов на двадцать прибавил клади.
Мулла проходил
и думает мулла:
„Сяду и я,
а то куча мала“.
Росла на верблюде дармоедов куча,
до самого неба горб навьюча.
Проснулся верблюд
от тяжести лишней,
и все посыпались, как гнилые
вишни.
Растоптал и пошел работать
верблюд,
Бери пример с верблюда,
рабочий люд!

из речи

мартова

„Я буду стоять с меньшевиками
на этой самой
платформе веками,
буду твердить
и в будущем
это,
как твердил
в позапрошлое лето“.
Заключение Роста:
Для этого не стоит
жить до проседи.
Бросят вас,
если вы не бросите.
Не мели, Мартов Юлий,
в декабре то же,
что и в июле.

мухи оппозиции

на съезде советов

Все обсуждают
„Ох
да ах,
да как,
да советская власть
не плоха ли?!.“
А доедем, —
у измученного вола на рогах
первые заорут: „И мы пахали!!“

по поводу кое-каких свистков из царской ложи

Курилка меньшевистский ожил
и канитель заводит ту же:
чем нам свистеть из царской ложи,
попрежнему сидели б в луже!..

съезд **советов**
обратился к европе
с **мирным**
предложением

Рабочий России,
красный рыцарь
вновь предлагает Европе мириться.
Их дипломаты
задумались горько.
Рабочий Антанты,
решенье ускорь-ка!!

МЫ и антанта

Оружие дипломатов —
Антанты язычище, —
Так наврут европейскому рабочему,
что не наврешь чище!
„Мы-де
ни Врангелю не помогаем,
ни Польше.
Мы, мол,
мира желаем.
Чего больше!“
А ихние наймиты
здесь же рядом
в Польшу
шлют
снаряд за снарядом.
Попробуйте, поверьте —
доверуетесь до смерти!
Рабочие,
забудьте дипломатический язык!
Ваш язык —
пушечный язык.
Разговоры ерунда,
разговоры нуль!
Язык рабочего —
язык пуль!
Речь одна в положеньи таком —
не языком вертеть,
а штыком!

1. ЭЙ, КРЕСТЬЯНИН, ПОМНИ ТЫ,

2. ВСЕЙ НУЖНА НАУКА.

3. АГРОНОМА К ВАМ В РЯДЫ

4. ПРОПУСТИТЕ НУ-КА!

СЕЛЬС КОЕ ХОЗЯЙ

АГРОНО

советская азбука

А

Антисемит Антанте мил.
Антанта — сборище громил.

Б

Большевики буржуев ищут.
Буржуи мчатся верст за тыщу.

В

Вильсон — важнее прочей птицы.
Воткнуть перо бы в ягодицы.

Г

Гольц фон-дер прет на Ригу.
Храбрый!
Гуляй, пока не взят за жабры.

Д

Деникин было взял Воронеж.
Дяденька, брось, а то уронишь.

Е

Европой правит „Лига наций“.
Есть где воришкам разогнаться.

Ж

Железо куй, пока горячее.
Жалеть о прошлом — дело рачье.

З

Земля собой шарообразная.
За Милюкова — сволочь разная.

И

Интеллигент не любит риска,
и красен в меру, как редиска.

К

Корове трудно бегать быстро.
Керенский был премьер-министром.

Л

Лакеи подают на блюде.
Ллойд-Джордж служил и вышел
в люди.

М

Меньшевики такие люди —
мамашу могут проиудить.

Н

На смену вам вора бы, Носке.
Носки мараются от носки.

О
Ох, спекулянту хоть повеситься.
Октябрь идет. Не любит месяца.
П
Попы занялись делом хлебным —
погромщиков встречать молебном.
Р
Рим — город, и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, что бы стибрить.
С
Сазонов послан вновь Деникиным.
Сиди послом, пока не выкинем.
Т
Тот свет — буржуям отдых сладкий.
Трамваем Б, без пересадки.
У
У „правых“ лозунг — „Учредилка“.
Ужели жив еще курилка?
Ф
Фазан красив. Ума ни унции.
Фиуме спьяну взял д'Аннунцио.
Х
Хотят в Москву пробраться Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.
Ц
Цветы благоухают к ночи.
Царь Николай любил их очень.
Ч
Чалдон на нас шел силой ратной.
Чи не пойдете ли обратно...
Ш
Шумел Колчак, что пароход.
Шалишь, верховный. Задний ход!
Щ
Щетина украшает борова.
Щенки Антанты лают здорово.
Э
Экватор мучает испарина.
Эсера смой — увидишь барина.
Ю
Юнцы охочи зря приврать,
Юденич хочет Питер брать.
Я
Японцы, всуе белых учите —
ярмо Микадо нам не всучите.

коммунары,

все руки тянутся к вам,
ждут:
революция?
Не она ли?
Не красная ль
к нам
идет Москва,
звеня в Интернационале?!
Известие за известием,
баррикады,
борьба...
Забастовка железнодорожных
линий...
Увидели в Берлине большевика, а не
раба.
Бьют буржуев в Берлине.
Ломая границ узы,
шагая горами веков,
и к вам придет, французы,
красная правда большевиков.
Все к большевизму ведут пути,
не уйти из-под красного вала,
коммуне по Англии неминуемо пройти,
рабочие выйдут из подвалов.
Что
для правды
волн ворох,
что ей верст мерка!
В Америку придет коммуна.
Как порох,
вспыхнет рабочая Америка.
Есть ли страна, где рабочих нет,
где нет труда и капитала?!
Рабочее сердце
в каждой стране
большевистская правда напитала.
Не пощадит никого удар;
дней пройдет гряда
и будут жить
под властью труда
все страны и все города.
Наши века.
Наши года.
Не страшны никакие узы.
Нашу правду,
как солнце,
никогда ни один не задует
толстопузый!

да здравствует III интернационал

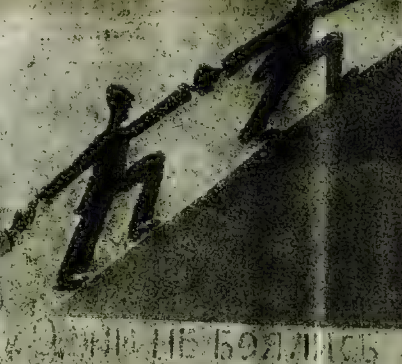
У рабочих Европы
от ярма
на шее пена,
а Шейдеманы и Каутские
успокаивают: „Не возмущайтесь,
освободитесь постепенно“.
Смирились,
подавили рабочие ропот.
Стонет
под капиталистами
рабочая Европа.
Пролетарии,
не стойте, глазки пуча,
идите в ряды мирового Всеобуча!
Чтоб петля
еще не стала уже,
пролетарии Европы,
беритесь за оружие,
рабочие знамена взвивая ало,
Объединитесь под сводом
III Интернационала.

сухаревка

Динь, динь, дон, динь, динь, дон,
день ужасных похорон.
Спекулянты к гробу льнут,
где теперь я спекульну?
Впереди рыдает поп,
мать кормилицу-то хлоп.
Папиросник —
в плач слюнявый,
негде драть с них шкуры „Явой“.
Начинают бабы выть, —
солью некого травить.
Плачет сухарева рать,
где теперь миллъоны драть?..
А в сторонке
встал рабочий
и хохочет...
Смейся всяк,
кто нищ и гол,
в Сухаревку
вбили кол.

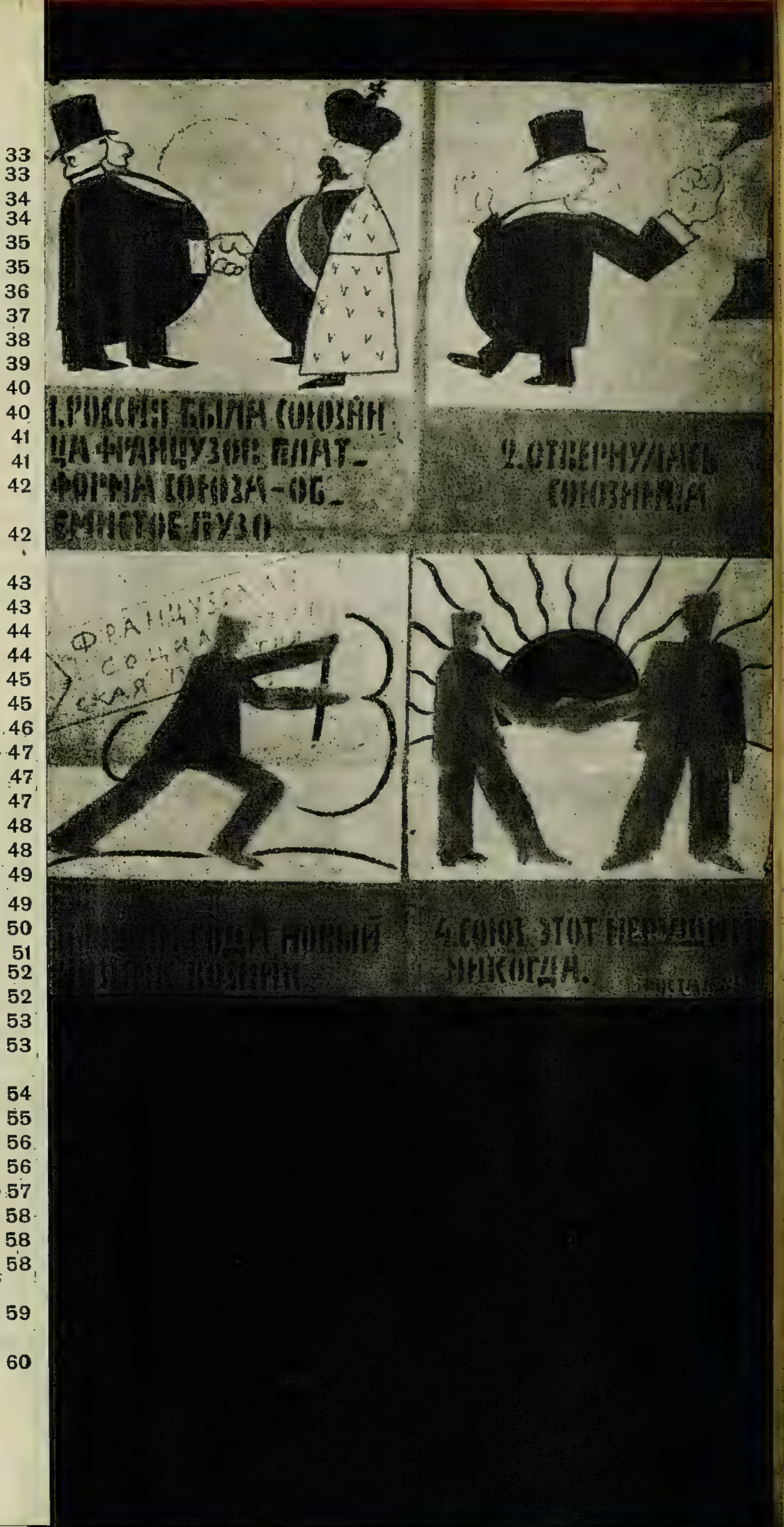

содержание

В. Маяковский. — Прошу слова — 3
Посмеемся — 7
Товарищи, враг бежит — 8
История про бублики и про бабу, не признающую республики — 9
Песня рязанского мужика — 10
Мчит Пилсудский — 11
Щадите пленных — 12
Иди! — 12
Кажется, небольшая вещь камень — 13
Праздновать — способы разные — 13
Ров — 14
Кто? — 14
Что делать? — 15
Красноармейская песня — 15
Рабочие столицы, крестьяне окрайны — 16
Врангель — 16
Винтовка и книга — 17
Старый мотив — 17
Твои враги — 18
Красный командир — 18
Небылица в лицах — 18
Смотри, крестьянин — 19
Антанта признала — 19
Крестьянин, так встречай Врангеля — 20
Его тетя — 20
Мы окружены врагами, мы голодаем — 21
Дурацкий сон — 21
Хочется! — 22
Паны перемирие заключили — 22
Товарищи — 22
Сказка про мужика, про историю странную — 23
Песня про гостей из французских областей — 24
Пожелание к следующему рождеству — 25
Забудьте календари, висевшие встарь — 26
Два новых года — 27
Октябрьские итоги в романсах — 27
Рождественский номер — 28
Не эти правильно революцию празднуют — 28
Когда победили в России рабочие — 29
1 Мая — 29
Стой, гражданин — 30
Наша годовщина — 30
Новый год — 31
Новогодний номер — 32
Пасхальное — 32

Не этот правильно годовщину празднует 33
Новогодний номер 33
День Парижской коммуны 34
Что делать? 34
Третья 35
Делай предложения! 35
Нормализованная гайка 36
Неделя санитарной очистки 37
Россия — единое советское хозяйство 38
Радуются, смеются буржуи 39
Скрал спекулянт миллион 40
Да здравствуют субботники! 40
Неделя крестьянина 41
Поэтому не бросайте! 41
Чистка 42
Крестьянин, эй! Что ты делаешь, делай скорей! 42
При свободной торговле особенно смотреть надо 43
Чтобы не были брюха порожненьки 43
Что такое электровоз 44
Расчистка пути 44
Все на субботник! 45
Да здравствует неделя ремонта! 45
Первый вывоз 46
Третий вывоз 47
Четвертый вывоз 47
Новый враг 47
Думай заранее 48
Товарищи! У нас газет мало 48
Смотри, рабочий 49
Трое 49
А вот, а вот, подходи народ! 50
Если вы не знаете 51
Эй, товарищи! 52
Спорт — наш отдых 52
Если жить в разброд 53
Крестьянское 53
Наши поправки в англо-советский договор 54
Рабочий, эй! 55
Гражданин! 56
Маленькая электрификация 56
Ха, ха, ха, ха, ха... 57
Лига наций 58
Не увлекайтесь победами 58
Братство 58
Последняя страничка гражданской войны 59
Про то, как за немцами на денежки Антанты 60

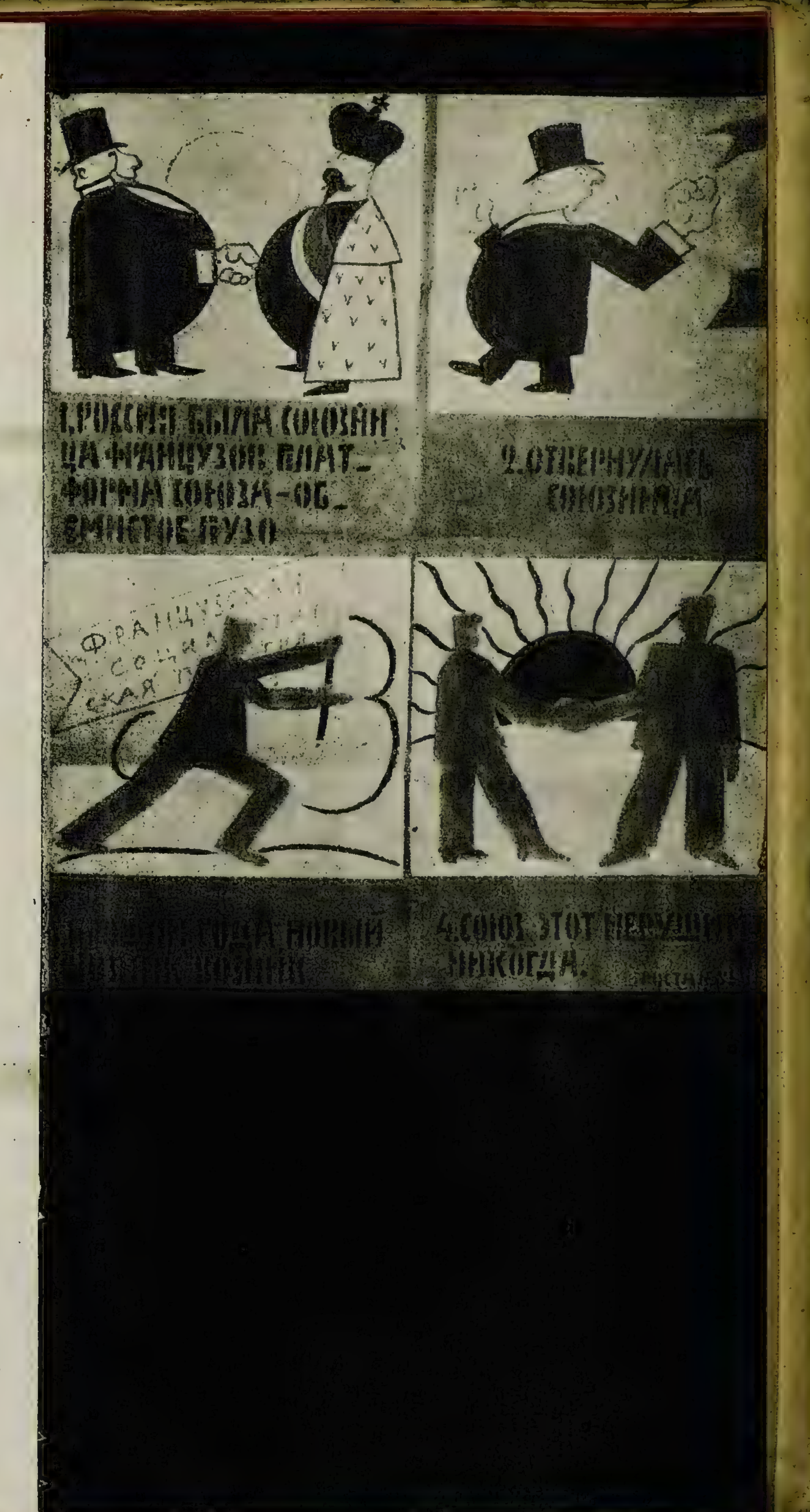
Советский союз намотай на ус: кто Юз 61
Грустная повесть из жизни Филиппова 62
Хулиганщина 64
Постоял здесь, мотнулся туда,— вот и вся производительность труда 65
На помощь! 66
Европейское обозрение 68
Читайте! 69
Из речи Мартова 70
Мухи оппозиции на Съезде советов 70
По поводу кое-каких свистков из царской ложи 70
Съезд советов обратился к Европе с мирным предложением 71
Мы и Антанта 71
Советская азбука 72
Коммунары 74
Да здравствует III Интернационал 75
Сухаревка 75

перечень иллюстраций

Кто не хочет слушать — долой с глаз! 7
Мир 8
Гражданин! 11
Приехали делегаты к буржуям 12
Не эти правильно Октябрь празднуют 15
Красный и белый командир 16
У Врангеля буржуя все в распоряжении 19
Крестьянин, так встречай Врангеля 20
На нас Антанта бронированная перла 23
Вот как работает Антанта двуликая 24
Рождественский номер 27
Остановитесь минуты на три! 28
Да здравствует 4-я годовщина 31
Если в красный город белые войдут 32
Смотрите, таблица ввоза вот 35
Эй, рабочий! 7-е марта подписан важнейший декрет 36
Холод идет 39
Чтоб с голодом справиться 40
При свободной торговле особенно смотреть надо 43
Издан декрет о натурпремии 44

Вот что для голодающих прислали из-за границы — 47
Если ты все лето пела — 48
Товариши, у нас газет мало — 51
Смотри рабочий — вот о чем — сегодня речь! — 52
Красные вынуждены были — 55
Хочешь, чтоб у тебя украли кошелек? — 56
Товарищи! Идите так на оборону — 59
Ты не пошел на фронт бить барона — 60
Делайте лоппты! — 63
Долой волокиту! — 64
Октябрьская революция открыла дверь — 67
Капитал в агонии — 68
Да здравствует 8-й Съезд советов — 71
Эй, крестьянин помни ты — 72
Если щель — в ряды — 75
В Германии независимых было два сорта — 76
Россия была союзница французов — 79

Окна Роста подчеркнутые черной линейкой работы Владимира Маяковского

в. маяковский

грозный смех

окна роста

отпечатано в 1-й типографии
огиза рсфср «образцовой»
москва, валовая, 28

главлит № А-83417
заказ № 448
огиз № 170. х-40
бум листов 5
сдана в набор 5/I 1931 г.
подписана к печати 25/I 1932 г.
тираж 3 000

оформление книги и обложка художника
варвары степановой
редактор к. соляджин

Государственное Издательство Художественной Литературы

1932

москва – ленинград

монтаж варвары степановой

фото б. игнатович

Цена 3 р. 25 к.

перепл. 75 к.